

A high-contrast, close-up photograph of a woman's face. Her hand is raised to her mouth, with her index finger touching her lower lip. Her eyes are closed, and her expression is one of intense emotion or passion. The lighting is dramatic, highlighting the texture of her skin and the intensity of her features.

КИРА ДЭВИС

THE NEW YORK TIMES
BESTSELLER

только одна

НОЧЬ

Секс, страсть,
чувство вины,
предательство,
мечь, экстаз...

New York Journal

Кира Дэвис

Только одна ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962851

Кира Дэвис. Только одна ночь: Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05626-9

Аннотация

Откровенное красное платье, Лас-Вегас, карточный стол, ночь в объятиях незнакомца... Последнее безумство перед тем, как выйти замуж за симпатичного, скромного парня, с которым Кейси встречается вот уже шесть лет. В тот жаркий вечер она и не предполагала, что прощальная интрижка перерастет в умопомрачительный роман, а тайный любовник – властный и притягательный – станет ее боссом. Ураган, ворвавшийся в жизнь Кейси с появлением таинственного мистера Дейда, разнесет в прах не только планы на спокойное предсказуемое будущее, но и ее глубоко спрятанные комплексы и страхи.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	81
Глава 8	87
Глава 9	101
Глава 10	107
Глава 11	115
Глава 12	127
Глава 13	135
Глава 14	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Кира Дэвис

Только одна ночь

*Посвящается всем моим читателям, которые
долгие годы хранят мне верность. Вы не перестаете
мотивировать и вдохновлять меня*

Just One Night, Part 1: The Stranger Copyright © 2013 by
Kyra Davis

Just One Night, Part 2: Exposed Copyright © 2013 by Kyra
Davis

Just One Night, Part 3: Binding Agreement Copyright © 2013
by Kyra Davis

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Часть первая

Незнакомец

Глава 1

Это красное платье в обтяжку от Herve Leger не мое. Оно принадлежит моей подруге Симоне. Еще вчера я бы просто посмеялась, предложи мне кто-нибудь надеть нечто столь провокационное. Завтра я вновь отмахнусь от подобной затеи. Но сегодня? Сегодняшний вечер – исключение.

Я стою в центре номера, который мы с Симоной сняли в отеле The Venetian, и пытаюсь подтянуть подол. Разве можно в этом сидеть?

– Ты такая сексуальная, – воркует у меня за спиной подруга, убирая мои черные волнистые волосы за плечи. Жест кажется слишком интимным, и я чувствую себя практически голой.

Я отхожу от нее и изгибаюсь немецким кренделем, стараюсь рассмотреть в зеркало спину.

– Я действительно должна идти в этом?

– Ты шутишь? – Симона удивленно распахивает глаза. – Если бы это платье хотя бы наполовину сидело на мне так же хорошо, как на тебе, я носила бы его каждый день! Ты

горячая штучка!

Я снова подтягиваю подол. Я привыкла к костюмам. Не к таким, в которых дамы щеголяют в кино, а к таким, в которых реальные женщины в реальной жизни ходят на работу в крупную консалтинговую компанию. В них ты практически забываешь, что ты женщина, не говоря уже о сексуальности. Но это платье напевает несвойственную мне мелодию.

— В нем не проглотишь ничего, кроме хвостика от морковки, — жалуюсь я, разглядывая вырез. Бюстгальтера на мне нет. Единственное, что я смогла надеть под этот наряд, — крошечные трусики-танга. Но платье и создано для того, чтобы все выставить напоказ... и меня по этому поводу одолевают смешанные чувства. Меня вообще удивляет то, что чувства смешанные. Я немного смущена, что вполне ожидаемо. Я ощущаю себя грешницей, и все же... Симона права, я горячая штучка.

Я никогда не думала о себе в таком ключе. Никто не думал. Когда люди слышат имя Кейси Фитцджеральд, они вспоминают об ответственности, надежности, стабильности.

Ах эта надежная, стабильная Кейси!

Вот почему Симона вытащила меня на выходные в Лас-Вегас. Она хочет, чтобы я на одну-единственную ночь превратилась в ветреную барышню, прежде чем с головой окунуться в стабильную жизнь с Дейвом Бисли, мужчиной, за которого я собираюсь замуж. Дейв намеревается сделать мне предложение... или, может, уже сделал.

– Думаю, в следующие выходные нам надо отправиться в круиз по ювелирным магазинам за кольцом, – сказал он, когда мы заканчивали тихий ужин в кафе на Беверли-Хиллз.

Мы встречаемся уже шесть лет, и пять из них он говорит о возможности брака, рассматривает эту идею со всех сторон и подвергает наш гипотетический семейный союз гипотетическим стрессам, словно банк, который готовится к очередному финансовому кризису.

В этом весь Дейв. Очень осторожный. Это не сексуально, но удобно. Однажды, после нескольких лишних стаканчиков спиртного, я призналась Симоне, что целоваться с Дейвом – это как есть печеный картофель. С тех пор она не перестает меня жалеть. Но я имела в виду, что пусть печеный картофель не самая впечатляющая еда в мире, но он теплый и мягкий, и его вполне достаточно, чтобы не умереть с голоду. Так и Дейв. Он моя удобная еда, мой печеный картофель.

Ты должна переспать с незнакомцем.

Таков совет Симоны. Последнее безумство перед тем, как выйти замуж, и пока мне не перевалило за тридцать. Конечно, я никогда ничего подобного не сделаю. Мы сошлись на том, что я пофлиртую с незнакомцем, и я все еще настраиваю себя на *это*.

Неужели ты действительно хочешь дожить до старости и, оглянувшись назад, понять, что никогда не была молодой?

Это тоже слова Симоны. Она не понимает. Я не знаю, как

быть молодой. Не знала этого даже тогда, когда была ребенком.

— Она такая серьезная, намного серьезнее своей сестры! — говорили, бывало, друзья родителей, когда я сидела рядом с ними, уткнувшись носом в книгу. — Какой-то совсем небячливый ребенок!

Отчего-то считалось, что женственность и усердие это взаимоисключающие грани бытия.

И вот результат: перед вами выпускница Гарварда, работающая в одной из крупнейших консалтинговых компаний страны. И *горячая штучка*.

— Блек-джек, — уверенно заявляет Симона. — Ты сядешь в этом платье на высокий крутящийся стул у стола для блек-джека, и все парни забудут, как считать до двадцати одного.

Я фыркаю и прикрываю рот рукой, а Симона начинает хихикать. Даже в этом платье фыркать несексуально.

Когда мы заходим в казино, все головы поворачиваются в нашу сторону. Мужчины следят за моими движениями; их глаза одобряют, оценивают свои шансы, примечают все секреты, которые открывает платье... а оно открывает немало. Женщины тоже смотрят. Одни осуждающе, другие с завистью. Я вспыхиваю, поняв, что некоторые из женских взглядов не отличаются от мужских.

Мне хочется быстрее пройти через зал, но платье вынуждает меня двигаться медленно и осторожно. Я слышала ис-

тории о моделях, которые падали на подиумах на показах в утягивающих платьях, и теперь я понимаю, как такое могло случиться. В тесном платье и в туфлях на высоченных каблуках, на которых настояла Симона, каждый шаг кажется вызовом.

Проходящий мимо мужчина окидывает меня взглядом сверху вниз, даже не делая попытки скрыть вожделение. Я еще больше краснею и отворачиваюсь. Он так на меня посмотрел... неужели счел за шлюху? Причем довольно успешную, если я смогла позволить себе дорогуший наряд. Я оглядываюсь через плечо и понимаю, что он остановился и смотрит мне вслед. Он скользкий и высокомерный. Я не хочу его... но мне нравится, что он хочет меня, и даже это маленькое удовольствие вгоняет меня в стыд... Какой скандал!

Мы выбираем стол для блек-джека с минимальными ставками в сто долларов. Конечно, он не для крупных игроков, но в обычной жизни я не могу позволить себе рискнуть и такой суммой.

Что я здесь делаю?

Я судорожно сглатываю и концентрируюсь на игре. Я не эксперт в подобных вещах, но Симона, оказывается, и того хуже. Она делает чудовищные ставки, а потом упорно пытается набрать двадцать одно, но все ее усилия неизменно ведут к провалу. Через некоторое время она сдается и говорит, что лучше пойдет играть в кости. Я остаюсь на месте. С картами я как-то еще могу справиться, но кости уж точно

не мое.

– Похоже, здесь хороший стол.

Я поворачиваюсь и вижу, как рядом со мной садится мужчина в черных джинсах и коричневой футболке. Его накачанные руки резко контрастируют с волосами цвета перца с солью... но мне это нравится. Он бросает на меня взгляд, пока я изучаю его, и поспешно отворачиваюсь. Получается слишком очевидно, и я внутренне сжимаюсь от своей неловкости.

Женщина с планшетом подходит и улыбается моему соседу:

– Мистер Дейд, очень приятно видеть вас.

– Вас тоже, Глэдис. Я собираюсь начать с пяти тысяч.

Женщина кивает, и, когда он подписывает бумагу, перед ним вырастает столбик черных и фиолетовых фишек.

Обычно люди не так получают свои фишки.

Я делаю ставку в двести долларов, и крупье раздает карты. У меня выпадает пятерка и туз. Неплохое начало. Мистеру Дейду не так везет с его десяткой и шестеркой.

Я стучу пальцем рядом со своими картами, и мне раздают еще. Мистер Дейд делает то же самое.

У меня четверка. Я улыбаюсь про себя. Фортуна явно благоволит мне.

Или, по крайней мере, я так считаю, пока мистеру Дейду не выпадает пятерка.

Двадцать одно.

Никто не сказал ни слова, но фишки перемещаются в его сторону.

Когда крупье добавляет несколько фишек к моей кучке – небольшое признание моей победы над казино, – мистер Дейд наклоняется ко мне, совсем чуть-чуть:

– Вы не против поразвлечься?

– Я думала, мы этим и занимаемся. – Я внимательно рассматриваю свои фишки, не потому, что мне нужно пересчитать их, а потому, что немного нервничаю и не могу смотреть прямо на него.

– Сделать игру более интересной, – поясняет он. – Если я побеждаю, мы покидаем стол, и вы соглашаетесь пропустить со мной стаканчик.

– А если победа будет за мной? – спрашиваю я, поворачивая его слова в свою пользу.

– Тогда я выпью с вами.

Я смеюсь. В этой полной возбуждения комнате и своем новом, пусть временном, обличье у меня уже голова идет кругом. Не представляю, что может сделать со мной спиртное.

– Если я побеждаю, мы выпьем прямо здесь, за столом, и продолжим игру, – говорю я. С экономической точки зрения мой план, быть может, более рискованный, но с любой другой – гораздо более безопасный.

– А вы умеете торговаться, – говорит мистер Дейд.

И хотя я по-прежнему не смотрю на него, я чувствую его

улыбку. Исходящая от него энергия сексуальная, но в то же время какая-то озорная.

Мне это нравится.

Крупье раздает еще карты. У меня тройка и шестерка, а у мистера Дейда король и четверка. Пока преимущества ни у кого нет. Все зависит от следующего хода... милая метафора для жизни.

Но я оставляю свои мысли при себе и тихонько стучу красными ноготками по зеленому сукну стола. Мистер Дейд тоже просит карту.

На этот раз он получает двадцать, я не дотягиваю даже до восемнадцати.

Он встает и протягивает мне руку:

– Идем?

Я собираю фишки и мысленно составляю план того, как встать из-за стола, не выставив на обозрение больше необходимого.

И снова чувствую улыбку этого мужчины. В голове начинает играть старинная песня «Дьявол внутри», и под этот воображаемый саундтрек я осторожно встаю из-за стола. Он не торопит меня. Сначала ведет в кассу, где я обналичиваю свои фишки, потом к эскалатору. Люди продолжают пялиться, но теперь они пялятся на нас.

Но нас не существует, напоминаю я себе. Это просто фантазия. Всего лишь мимолетная, ничего не значащая встреча. Мы выпьем, пофлиртуем и потом исчезнем из жизни.

ни друг друга, как утренний туман.

– Это здесь, – говорит он, кивая на бар со стеклянными стенами.

Люди фантазируют насчет нас.

Он сворачивает к бару и ждет, пока я заберусь на барный табурет. Я достаю сотовый, чтобы сообщить Симоне о своем местонахождении, но не успеваю набрать и слова, как бармен уже подходит к нам.

– Полагаю, дама желает бокал вашего самого дорогого шампанского, Аарон, – начинает мистер Дейд.

– Нет, – перебиваю я его, поддаваясь внезапному импульсу. – Виски.

Я сама не знаю, отчего решила поднять градус, но только сейчас не время для шампанского. Момент более острый, сильный; он требует зерна, а не пузырьков.

Мистер Дейд снова улыбается и заказывает нам обоим виски. Я о такой марке даже не слышала.

– Итак, – говорит он, когда бармен удаляется, – ваша игра блек-джек?

– Нет. – Я опускаю голову и набираю сообщение Симоне. – Я всего второй раз за столом. Вообще-то я не играю.

– Но сегодня вы определенно играете.

Я поднимаю взгляд и вопросительно приподнимаю бровь.

– Обычно вы так не одеваетесь, – продолжает он, когда подают наши напитки. Он придвигает в сторону бармена несколько купюр. Его не спрашивают, не хочет ли он счет.

Бармен понимает, что сейчас не стоит нас прерывать.

– Откуда вам знать, как я обычно одеваюсь?

– Вы нечасто ходите на таких высоких каблуках. Вы к ним не привыкли.

Я нервно смеюсь.

– Никто за пределами «Цирка дю Солей» не может привыкнуть к такому.

– И если бы вы постоянно ходили в подобном наряде, взгляды не смущали бы вас. А они вас смущают. – Он наклоняется вперед, и до меня доносится легкий аромат свежего леса. – Вы напряжены. Вам неуютно от вождедеющих взглядов и от того, как вы наслаждаетесь ими.

Я хотела было отвернуться, но он берет меня за подбородок и заставляет смотреть прямо на него.

– Вы даже сейчас краснеете.

Я не знаю этого мужчину, мужчину, который касается меня. Он незнакомец. Чистый лист. Мне следует уйти. Нельзя позволять его грубому пальцу гладить вот так мою щеку.

Не следует спать с незнакомцами.

Я медленно поднимаю руку и отвожу его ладонь от своего лица. Но не отпускаю ее. Мне нравится ее держать: она такая сильная, рельефная. Эти руки что-то строили и видели непогоду. Я вижу, как они сжимают вожжи коня. Я вижу их в моторе спортивной машины, которая может со скоростью звука унести от окружающей нас тусклой действительности. Я представляю, как эти руки ласкают меня, как эти пальцы

проникают в меня...

Что я здесь делаю?

– Меня зовут Кейси, – говорю я. Мой голос охрип и дрожит.

– Хочешь знать мое имя? – спрашивает он. – Мое полное имя?

Я тут же понимаю, что не хочу. Я не хочу знать, кто он такой. Я даже не хочу знать, кем я была вчера и кем буду завтра. Я просто хочу знать, кто я сейчас.

– Я не занимаюсь такими вещами, – шепчу я. Но, не успев закончить фразу, понимаю, что я говорю о вчера, о завтра. Сегодня... все иначе.

Этот мужчина, он совсем не похож на того человека, который оценивал мое тело скользким и надменным взглядом. Он не склоняет меня к своему плану. Он следует моему; считывает мои движения, мои улыбки, направление взгляда. В его лице я вижу отблеск своей собственной страсти. Он больше не чистый лист. Он моя фантазия, моя химия... напряжение, которое существует между нами... Вот о чем бы я тосковала, если бы знала, что это такое.

Но теперь я знаю, каково это.

Я замечаю пуговицу на его джинсах. Dior Homme – шестьсот долларов за пару, а футболка куплена чуть ли не в Target. Молодые мускулистые руки и седые волосы – этот контраст тоже кажется мне соблазнительным.

– Я хочу напоить тебя, – говорит он.

Я сразу понимаю, к чему он клонит. Знаю, что он приглашает меня к себе в номер. Я обвожу взглядом бар. У меня никогда не было романа на одну ночь. Я хорошая девочка. Добропорядочная и морально устойчивая.

Но только не сегодня. Сегодня я плохая девочка, которая собирается переспать с незнакомцем.

Глава 2

Мы, словно подростки, заглянули в магазинчик в холле и купили себе выпить. Я чуть не рассмеялась, когда кассирша протянула мистеру Дейду коричневый бумажный пакет с бутылкой, как будто мы собираемся пробраться под трибуны, а не подняться в номер роскошного отеля, как будто планируем залиться дешевым коктейлем, а не виски за двести долларов.

Я никогда не сидела под трибунами, но не сужу тех, кто это делал. Хоть сама я и не сторонница подобных мероприятий, в этой американской традиции есть что-то трогательно невинное. А вот в том, чем я собиралась заняться с мистером Дейдом, невинностью и не пахнет.

Мы не роняем ни слова по пути в номер. Это люкс. Я знала, что так и будет. В гостиной достаточно квадратных метров, чтобы устроить широкомасштабную вечеринку. Нетронутая кухня способна обслужить свадьбу. Нам столько места не требуется, но я нахожу в этом мрачное удовольствие.

Я слышу, как он закрывает дверь, и кидаю взгляд на французские двери справа. Не надо спрашивать, чтобы понять, в какую комнату они ведут.

Я чувствую, как он подходит ко мне сзади. Я чувствую исходящий от него жар и замираю в ожидании прикосновения. Но его нет.

Вместо этого он склоняется над моим ухом.

– Устраивайся поудобнее, – говорит он, голос его раскатист, слова обольстительны. – Сними что-нибудь.

Я поворачиваюсь к нему. Горло перехватывает. В сознание пробиваются мысли о Дейве. Это предательство. Смогу ли я жить с ним? Смогу ли отделить эту ночь от своей настоящей жизни?

– Туфли, – усмехается он, на губах играет дразнящая улыбка. – Сними туфли.

Я выдыхаю. Сама не заметила, как задержала дыхание. Но угроза по-прежнему существует. И с его стороны, и с моей. Не сводя с него глаз, я опускаюсь в кресло. Он встает передо мной на колени, его пальцы нежно касаются моей лодыжки, пока он расстегивает крохотные застёжки на моих туфлях. Я крепко сжимаю ноги. Я не готова показать ему свой мир. Пока еще нет.

Но вот туфли отброшены в сторону, и его руки медленно продвигаются вверх, к моим икрам, к коленям, к внешней поверхности бедер. Воздух, который начал было поступать в легкие, вновь исчезает, я моментально забываю, как дышать. Это платье такое короткое, его руки все поднимаются и поднимаются, но никак не доберутся до подола... а когда доберутся, он задирает его еще выше... и потом останавливается. Я жду продолжения, но он убирает руки.

– Я собираюсь налить тебе виски, – говорит он.

И вновь эта лукавая улыбка, балансирующая на грани на-

стойчивости и терпения.

Он встает, а я закрываю глаза и пытаюсь обрести равновесие. Я слышу, как открывается и закрывается холодильник, как кубики льда сыплются в пустой стакан. Я не двигаюсь. Я *не могу* двинуться. Мгновение назад меня что-то тревожило, было что-то, о чем я должна была подумать... Что же это? Я не могу сконцентрироваться.

Когда я открываю глаза, он стоит передо мной, в руке один-единственный стакан, который он протягивает мне.

– Ты не составишь мне компанию? – спрашиваю я. Шепотом. Я боюсь спугнуть мгновение... боюсь вынырнуть из этой зыбкой реальности. В конце концов, это всего лишь сон, и, если никому о нем не рассказывать, с каждым прошедшим днем я буду все больше и больше верить в это сама. Но сейчас я не готова проснуться.

Мистер Дейд вкладывает стакан мне в руку, его улыбка становится шире.

– О, я непременно составлю тебе компанию.

Я делаю глоток, потом другой. Виски превосходен. Как эта комната в теплых золотистых тонах с явными признаками роскоши.

Он забирает у меня стакан.

– Теперь моя очередь.

Он вынимает из стакана кубик льда и проводит им линию вдоль выреза платья. Холодная и мокрая поверхность касается моих грудей, соски твердеют и тянутся к нему, умоляют

о продолжении. Он отвечает, пробуя на вкус виски с моей кожи – невесомые, жаркие поцелуи. Его ладони ложатся на мои бедра. Я снова дышу, но неглубоко, стараясь сохранить спокойствие.

Он снова берет стакан, подносит его к моим губам и немного приподнимает так, чтобы терпкая жидкость лишь коснулась моего языка. А потом его пальцы вновь погружаются в виски, и на этот раз тающий кубик льда движется вверх по моему бедру. Тело теряет связь с мозгом. Я чувствую, как ноги раздвигаются, сначала немного, но по мере того, как он сдвигает платье все выше и выше, я открываю ему полный доступ.

Он снова проходит губами по оставленной льдом дорожке. На этот раз на моих ногах. Резким, решительным движением он задирает мне платье до талии, крепко обхватывает ее, а его губы поднимаются все выше и выше. У него на пути только крошечные танга. Он убирает одну руку с моей талии и гладит шелковистую ткань.

Сквозь полуприкрытые веки я вновь вижу его улыбку. Я знаю, о чем он думает. Ткань намокла. Это еще одно приглашение, над которым я бессильна.

Но ему этого мало.

– Попроси, – говорит он; его палец цепляется за пояс трусиков.

Мои щеки вспыхивают огнем. Озвученная просьба означает, что я не смогу притвориться, что меня просто взяли

силой или что проделала это бездумно. Я готова открыть ему свое тело, но теперь он просит меня разделить с ним ответственность, и это пугает, ужасает меня.

– Попроси, – повторяет он.

– Прошу, – бормочу я.

– Так не годится. – Голос у него мягкий, но в нем легко угадываются авторитарные нотки. – Попроси.

– Сними их.

Он разгибается и нависает надо мной, палец все еще за поясом трусиков.

– Что именно ты просишь меня снять с тебя?

Улыбка ничуть не сбавляет звенящего в воздухе напряжения.

– Прошу тебя, – я говорю так тихо, что сама едва слышу себя. – Пожалуйста, сними с меня трусики.

– Громче, пожалуйста.

Я нерешительно поднимаю на него глаза. Вижу, как в его зрачках пляшут озорные бесенята, и это заставляет меня улыбнуться. На меня неожиданно накатывает приступ храбрости, я наклоняюсь вперед и хватаю его за футболку.

– Прошу тебя, – говорю я, притягивая его к себе, лишая равновесия. – Пожалуйста, снимите с меня трусики, мистер Дейд.

Теперь мы оба улыбаемся. Трусики летят прочь, и не успеваю я понять, что происходит, как чувствую на своем клиторе укус ледяного виски, тут же сменяющийся шокирующим

теплом его поцелуя; поцелуя, который пробирает меня до самого нутра. Его язык играет и дразнит. Я испускаю стон и вцепляюсь руками в кресло. Чувствую, как его палец нежно касается меня, пока он продолжает лизать и пробовать меня на вкус, сначала осторожно, затем все увеличивая скорость и напор. Его язык танцует, играет на моих нервных окончаниях, его посягательства неумолимы. Я всхлипываю и запрокидываю голову, оргазм наступает резко и быстро.

Но у меня нет времени собраться с мыслями. Он рывком поднимает меня на ноги. Ему не надо искать потайную молнию на платье; он интуитивно знает, где она. И в мгновение ока я остаюсь без одежды.

О, взгляды тех мужчин в казино ничто по сравнению с взглядом, которым окидывает меня сейчас мистер Дейд! Он не просто рассматривает меня, он пожирает меня глазами. Я стою перед ним, дрожа, сгорая от нетерпения, а он медленно обходит меня по кругу, как волк перед атакой, как тигр, преследующий добычу...

Как любовник, готовый к преклонению.

Я не тянусь к нему; его глаза привязали меня не хуже стального каната. Когда круг замыкается, он снимает с себя футболку. Его торс вполне соответствует рукам, твердые мускулы под мягкой, ранимой кожей. Он притягивает меня к себе, и я понимаю, что я с ним сделала. Его восставшая плоть вжимается мне в живот.

Я задыхаюсь, когда его пальцы проникают внутрь меня.

Сначала один. Потом два. Он играет со мной, гладит и изучает, а я вся дрожу.

Он прижимает меня к стене и продолжает поглаживать. Я обнимаю его за шею и вцепляюсь в него ногтями, из груди вырывается крик. Я взрываюсь под его пальцами. Я делаю вдох и понимаю, что моя кожа теперь тоже пахнет его одеколоном. Больше ничто не разделяет нас.

Я чувствую себя смелой и уязвимой – еще один контраст. В конце концов мне удастся расстегнуть его джинсы. Я избавляю его от остатков одежды, и теперь наступает мой черед разглядывать.

Он красив, идеален и... впечатляет.

Мы вряд ли доберемся до спальни.

Пальцами я исследую его копье, пока не дохожу до самого кончика.

Копье. Я никогда не пользуюсь этим словом, но моя голова идет кругом, и эвфемизмы перестают меня интересовать. Я не хочу смотреть на то, что происходит, через розовые очки. Это не фантазии.

– Трахни меня, – выдыхаю я.

И вот я взлетаю вверх. Мои ноги обвивают его талию, спина прижимается к твердой стене, и я снова кричу, когда он входит в меня, снова и снова.

Я полностью открываюсь ему. Чувствую, как становлюсь все мокрее и мокрее – это первобытная реакция на его вторжение. Я чувствую *все*.

Он наполняет меня могучей, пульсирующей, жесткой энергией. Он выбивает дверь, за которой я спрятала все свои тайные желания, и эти желания вырываются наружу с неукротимой силой, будто прорвало плотину. Он продолжает держать меня на весу, а я склоняюсь и нежно кусаю его за плечо, присасываюсь к его шее. Я хочу насладиться его вкусом, даже когда он трахает меня.

Теперь мы на полу. Мои бедра не размыкаются с его талией. Я по-прежнему обнимаю его, притягиваю к себе. Каждый дюйм его плоти заполняет меня, когда он опускается сверху. Тонкий ковер добавляет мягкости, пока я царапаю его кожу. Его ладони накрывают мои груди, щиплют соски и соскальзывают к талии. Мы движемся в нашем собственном ритме, таком же окрыляющем и сияющем, как симфонии Бетховена. Каждый толчок поднимает меня на новый уровень экстаза.

Я не представляла, что это может быть так.

Это клише. Фраза, которую выдает каждая инжениу в любом дамском романе. Слова, которые произносятся с таким изяществом, будто героиня достигла нового уровня невинности.

Но это нисколько не невинно. Это чертовски удивительно. Словно я наконец-то проснулась.

Я не представляла, что это может быть так.

Это последняя ясная мысль перед тем, как он вновь довел меня до потери сознания. Я чувствую, как его плечи напряга-

ются, он вцепляется мне в руки, лежащие над головой, в буквальном смысле слова удерживая меня, когда я уже не могу сдержать экстаза. Эта комбинация доводит меня до бешенства, моя голова мечется из стороны в сторону, тело выгибается дугой, заставляя его проникнуть еще глубже. Он стоит, движения становятся резче, и совместными усилиями мы взлетаем на небеса.

Крик еще раз вырывается из моей груди, когда мы вместе кончаем, прямо там, на полу отеля The Venetian.

Я не представляла, что это может быть так.

Глава 3

Я не верю в жизнь после смерти. Я всегда думала, что, когда кто-то уходит, это навсегда. Может, с мгновениями дело обстоит так же. У меня остались воспоминания о связи с мистером Дейдом – с тех пор прошло уже две ночи, – но нечто осязаемое меня с теми событиями связывает. Этот *момент* просто... перестал дышать.

Он обнимал меня после всего и гладил по голове. Нежность была не к месту. Я была не готова к ней. Поэтому я просто оделась и ушла. Он не пытался остановить меня, но в выражении его лица было нечто такое, что заставило мое сердце биться чаще. Он смотрел на меня не как незнакомец. Он смотрел так, словно знал меня... может, даже лучше, чем имел право знать.

Когда я вернулась в номер, Симона уже была там. Она пыталась выжать из меня подробности, но я практически ничего ей не рассказала. Я выдала ей историю о флирте с таинственным незнакомцем в баре со стеклянными стенами, пока он угощал меня спиртным, которое стоило неприлично дорого и обладало вкусом соблазна.

Она была разочарована.

– Ты безнадежна, – вздохнула Симона, пока я меняла облегающее платье на бесформенный белый отельный халат.

Она упаковала платье в пластиковый мешок для одежды

и застегнула молнию. Он напомнил мне гроб. Хоронила я не только мгновения; я хоронила одну из версий самой себя... хоронила в мешке для одежды, который даже не принадлежал мне.

Но, сидя в своем офисе в Лос-Анджелесе с бледно-желтыми стенами и аккуратно расставленными папками, я понимаю, чем должно было быть это приключение. Это просто сон, только и всего, и, как все сны, оно не имеет никаких реальных последствий. Преподнесенные им уроки можно изучить, а можно отбросить. Подсознание всего на несколько часов взяло верх над сознанием, и моей тайной половинке было позволено нарисовать красочную историю. Историю страсти и возбуждения, которые никогда надолго не задерживались в моей реальной жизни.

Просто сон.

Я вытаскиваю папку клиента. Моя работа состоит в том, чтобы рассказывать другим, как делать их работу. Инвестируйте время и деньги сюда, а не туда и так далее. Я давно начала думать о корпорациях как о людях, задолго до того, как Верховный суд стал поступать так же. Они многогранные личности, как и все мы. И, как люди, успешные корпорации знают, какие из своих сторон стоит развивать, а какие следует скрывать от публики. Они знают, как и когда сократить потери.

Для меня единственная часть личности корпорации, которую люди рассматривают в корне неверно, – это деньги.

Считается, что деньги – это язык корпорации. На самом же деле деньги – это душа корпорации.

Выходит, я – духовный наставник.

Я улыбаюсь этой идее, заново просматривая файл в предложении передачи блюда для подаваний.

– Кейси Фитцджеральд, мы наткнулись на золотую жилу!

Я поднимаю глаза и вижу на пороге своего босса, Тома Лава. У него за спиной стоит моя помощница Барбара с виноватой улыбкой на лице. Том никогда не дает ей шанса известить меня о своем визите. Его фамилия Лав, то бишь Любовь, кажется неудачной шуткой. Я ни разу не видела, чтобы он дарил кому-то любовь или вдохновлял людей на подобное чувство.

– У нас новый клиент! – восклицает Том и закрывает за собой дверь, даже не подозревая, что делает это прямо перед носом Барбары.

Я захопываю папку. Я не тот человек, к которому Том бежит, когда на горизонте появляется перспективный клиент. Я все еще в самом низу карьерной лестницы, и мой подъем затрудняется тем фактом, что я воспользовалась связями семьи Дейва, чтобы протиснуть ногу в дверь. Университетского образования Лиги плюща было бы вполне достаточно... но в наши дни ничего не достаточно. Ты должен быть одним из лучших в потоке и стажироваться под непосредственным руководством капитанов промышленности. Тебе необходимо попасть прямо в яблочко.

У меня работа, за которую наши медалисты могли бы убить. Я получила ее потому, что я умная, способная, окончила университет Лиги плюща... и потому, что крестный моего бойфренда один из основателей компании.

Теперь я постоянно должна что-то кому-то доказывать.

— Насколько я понимаю, я включена в команду по работе с этим клиентом? — спрашиваю я, глядя, как Том устраивается в кресле напротив меня и лениво просматривает на столе мой календарь встреч. Я давно научилась вносить личную информацию в телефон и держать его вне досягаемости Тома.

— Нет, — говорит он, пролистывая недели и месяцы моей профессиональной жизни. — Ты *возглавляешь* команду.

Атмосфера в комнате меняется. Он все еще смотрит в календарь, но букв не видит. Он ждет моей реакции. Я хотела возглавить команду с тех пор, как появилась здесь, но давно смирилась с тем, что этой чести мне придется ждать еще по меньшей мере несколько лет. И вот Том преподносит мне подарок на блюдечке с голубой каемочкой... Почему?

— Это несущественный клиент? — делаю я попытку разобраться в этой бессмыслице.

— Нет. Это Maned Wolf Security Systems.

Теперь атмосфера не просто меняется, она закручивается водоворотом смятения. Maned Wolf Security Systems. Они занимаются безопасностью крупнейших мировых корпораций, производят самые высокотехнологичные системы на-

блюдения, обеспечивают защиту сетей и даже имеют вооруженное подразделение охранников, которое работает в некоторых из наиболее взрывоопасных частей мира. У них правительственные контракты, и политики обращаются к ним за помощью.

У меня нет никакого права возглавлять такую команду. Да и команды никакой вообще быть не должно. Maned Wolf могущественна и замкнута сама в себе. Это как если бы Apple встретилась с Blackwater насчет шоколадной фабрики Willy Wonka. Секреты тщательно охраняются; чужаки не приветствуются.

Я не имею права вынимать их из раковины.

Но мне очень бы этого хотелось.

– Почему я?

Том отрывается от календаря:

– Так он захотел.

Теперь атмосфера давит цементной плитой. Я чувствую, как она наваливается мне на плечи и грудь. Том смотрит на меня со смесью любопытства и подозрительности.

– Кто – он? – спрашиваю я.

– Генеральный директор.

Наверное, я должна знать его имя, но я не знаю. Я знаю об их контрактах, о маркетинге, о силе. Конкретными людьми я не интересовалась.

Но пока я жду ответа Тома, я вдруг понимаю, что все меняется.

– Его зовут Роберт... Роберт Дейд. Он утверждает, что познакомился с тобой в Вегасе.

Люди говорят, что нет ничего чудеснее, чем когда ваши сны становятся явью. Но некоторые сны должны оставаться снами. Если некоторые из них пробираются в ваш настоящий мир, происходит химическая реакция.

А потом атомный взрыв.

У меня есть всего несколько дней на подготовку. Я собираю команду, но по требованию мистера Дейда первая встреча должна быть личной. Только он и я.

Когда Том объявлял мне об этом, в его глазах вновь загорелось подозрение. Можно поставить под сомнение манеры Тома, даже его стиль управления, но только не интеллект. Я придумала историю о том, как познакомилась с мистером Дейдом. Как я поведала ему, чем зарабатываю на жизнь, и похвасталась профессиональными успехами, пока мы стояли в длиннющей очереди досмотра в аэропорту. Как дала мистеру Дейду свою визитку, но нас разделили прежде, чем я успела узнать название его компании.

Я и сама видела, что вся моя история шита белыми нитками, но мне так хотелось, чтобы Том поверил в нее. Чтобы он принял идею о том, что я, сама того не подозревая, сделала решающую подачу могущественному генеральному директору. Я хотела, чтобы с его лица исчезла любопытная ухмылка, которой он неизменно одаривал меня последние

дни. Я хотела, чтобы он перестал смотреть на меня так, будто заподозрил, что под широкими пиджаками и просторными брюками что-то скрывается. Я хотела, чтобы он прекратил видеть во мне такое же амбициозное создание без стыда и совести, как он сам.

Теперь Том общается со мной каждый день.

Но в данный момент я не в офисе. Сейчас утро пятницы. Я решила немного поработать над своей внешностью. Я скручиваю волосы в тугий пучок. Прямой темно-синий пиджак длиной до бедра без намека на женственность. Ему в пару я выбираю прямую юбку. В складках ткани никакого соблазна. Абсолютно не на что смотреть.

Разглядывая свое отражение в зеркале бледно-голубой ванной комнаты, я раздумываю над косметикой. Без нее я выгляжу мягче, моложе и уязвимее.

Я всегда крашусь.

Я провожу по лицу влажной губкой, наношу основу под макияж, скрывая свои недостатки: небольшой прыщик на лбу у корней волос, несколько веснушек, которые я заработала, раскатывая в детстве летом на велосипеде... Я прячу все детали, которые делают меня человеком. На щеки румяна, серый контур вокруг глаз.

Это версия меня самой для большого мира. Эта не та женщина, с которой мистер Дейд встретился в Вегасе.

Я похоронила ту женщину под прозаичной одеждой.

Я прибыла к офису Maned Wolf Security Systems за пятнадцать минут до намеченного срока, и теперь могу полюбоваться зданием, в котором он расположен. Оно могло бы выглядеть холодно с его темной зеркальной поверхностью, но здесь, в Санта-Монике, в нем отражается солнце и пальмы, и это придает башне тепла.

Он был таким же теплым, когда я касалась его. Поцелуи на моей шее были такими нежными, даже когда он вжимал меня в стену. А потом были его пальцы... когда он гладил меня ими, засовывал их внутрь меня, играл на мне, как пианист, извлекающий из инструмента чарующие звуки Лунной сонаты Бетховена... теплые... сильные...

Мой пульс учащается, когда звонок телефона возвращает меня в реальность.

– Алло?

– Мисс Фитцджеральд? Я Соня. Личная помощница мистера Дейда. В планах произошли некоторые изменения. Мистер Дейд хотел бы встретиться с вами в баре Le Fête. Он расположен в квартале к югу от нашего офисного здания.

– Есть особые причины для переноса места встречи?

– Мистер Дейд конечно же покроет все дополнительные расходы и плату за автостоянку.

Я вовсе не это имела в виду, но, похоже, секретарша вряд ли способна дать мне удовлетворительный ответ.

Я посмотрела на здание, потом на кейс в своей руке.

– Я буду там... *Моя фирма сама* покроет дополнительные

расходы.

– Могу я спросить, где вы сейчас находитесь?

– Здесь, – сказала я, – прямо у вашего офиса. В одном квартале от Le Fête.

Я даю отбой и иду мимо здания с темными окнами из тонированного стекла с отраженными в них пальмами к мистери Дейду.

Он выглядит точно так же. Я стою у стойки администратора и могу беспрепятственно разглядеть его. Он сидит один за маленьким барным столиком и читает что-то на iPad. На нем легкая серая рубашка из хлопка и черные брюки. Ни галстука, ни пиджака, ничего из того, что может потребовать мир, который он держит под контролем.

Опять же, мистери Дейду не нужна одежда, чтобы заявить о своей властности. О ней говорит сама манера держаться. Она читается в напряженном взгляде карих глаз, силе тела; она читается в его уверенной улыбке, которую он адресует мне.

О да, он меня сразу заметил, и под его испепеляющим взглядом я с трудом припоминаю кое-какие вещи: *держи голову высоко, иди целенаправленно, дыши, не забывай, кто ты.*

Я пробираюсь к нему через столики.

– Мистер Дейд, – приветствую я его холодным профессиональным тоном и протягиваю руку.

– Кейси. – Он встает и берет мою ладонь, изображая крепкое рукопожатие, но задерживается чуть дольше положенного. – Я так рад снова видеть вас.

Он опять гладит мою кожу большим пальцем. Такая мелочь, я могу легко прекратить это. Но я ничего не предпринимаю, и у меня вверх по руке бегут мурашки.

Он замечает это, и его улыбка становится шире.

– Во время нашей последней встречи это выпало из вашей сумочки. – Он протягивает мне мою же визитную карточку. – Я нашел ее на полу своего номера.

Я отнимаю у него руку и сажусь.

– Я всегда провожу встречи в офисе, мистер Дейд.

– Боюсь, сегодня мой офис был не готов к вашему приему.

– Не готов?

Он кивает, и перед нами словно из ниоткуда вырастает официантка с подносом.

– Чай со льдом. – Она ставит высокий бокал перед мистером Дейдом. – И виски со льдом.

Меня бросает в жар, когда она водружает передо мной невысокий пузатый стакан.

– Я думал себе тоже заказать стаканчик, – поясняет он, – по потом припомнил вашу готовность делиться.

Я уставилась на кубики льда в окружении жидкости медного цвета.

Я знаю, что можно проделать этими кубиками.

– Я здесь по делу, мистер Дейд.

Он улыбается и подается вперед, водружая локти на слегка покачивающийся столик.

– Теперь ты знаешь мое имя. Я разрешаю тебе пользоваться им.

– Я думаю, будет лучше, если мы станем придерживаться официального тона. – Мой голос слегка дрожит. Я тянусь к стакану, хотя понимаю, что делать этого не стоит.

– Отлично. Продолжай называть меня мистер Дейд, а я буду звать тебя Кейси.

Я делаю приличный глоток виски; слишком знакомый вкус, слишком живые воспоминания.

– Я здесь, чтобы поговорить о ваших идеях насчет компании Maned Wolf Security Systems.

– Давай для удобства называть ее Maned Wolf.

Я киваю. Это его первые слова без подтекста, и я ужасно благодарна ему за этот скромный дар.

– Если вы всерьез собираетесь сделать Maned Wolf публичной компанией – а судя по документам, которые ваши сотрудники прислали мне по электронной почте, так оно и есть, – вам следует развивать область интернет-безопасности. Каждому известно, что правительство доверяет вам свои файлы. Среднестатистический покупатель захочет почувствовать, что он приобретает продукцию того же уровня.

– Зачем гоняться за количеством, когда я могу работать с теми немногими, кто заплатит мне гораздо больше?

– Затем, что самый внушительный рост и наиболее впе-

чатляющие доходы приходится на тех, кто предпочитает количество эксклюзивности. Один-единственный Starbucks из-за высокой проходимости всегда будет гораздо прибыльнее Le Cirque.

– Понятно.

Я вижу, с какой нарочитой медлительностью его губы складывают слова. Мне нравится его рот. Может, кто-то скажет, что он крупноват для его лица, но он такой чувственный.

– Значит, ты не фанат эксклюзивности, – продолжает он. – Любишь смешивать.

Подтекст ясен.

– Мистер Дейд, вы знакомы с калифорнийскими законами о сексуальных домогательствах?

– Кейси, хочешь сказать, что ты готова вынести на публику нашу маленькую эскападу, лишь бы обвинить меня?

Я не отвечаю. Пальцы судорожно сжимают ручку кейса.

– Выпей еще глоточек... у тебя лед тает.

– Вы пригласили меня сюда, потому что хотите услышать мои предложения? – Я хочу, чтобы мой вопрос прозвучал как вызов, а не как мольба.

Но мне это не слишком хорошо удастся.

– Да, – решительно заявляет он. – Я навел некоторые справки. Ты восходящая звезда вашей фирмы. Я плачу тебе за экспертизу, вот и все.

Я отпиваю еще скотча и жду, пока он придаст мне напуск-

ной храбрости.

– Я не нужна вам.

– Нет, не нужна. Но я хочу тебя.

Еще один глоток виски – он обжигает мне горло и обнажает нервы.

– Мои предложения. – Я осторожно устраиваю кейс на краю столика и ухитряюсь извлечь из него папку с материалами, не обронив на пол ни единой бумажки. – Просмотрим их прямо сейчас? Или назначим другую встречу?

Я наблюдаю, как он меняет позу с провокационной на располагающую.

– Прошу тебя, – показывает он на папку.

Даже эти слова являются напоминанием.

И все же мне удастся сохранить концентрацию внимания. Я рассказываю ему истории роста и невероятного процветания, до которого даже такой компании, как *Maned Wolf*, еще далеко. Но все достижимо. Моя команда может привести их к вершине. *Я* могу привести их туда. Если мне дадут шанс, я сумею найти те крохотные недостатки, которые стоят на пути у гиганта к достижению цели. Иногда эти недостатки можно устранить, полностью вырезать. Иногда их можно просто скрыть под надежным фундаментом.

Мистер Дейд слушает. Он очень внимательный слушатель. Ему не надо даже рта открывать. Я и так вижу, что он меня понимает; чувствую, когда одобряет, когда впечатлен рассказом, а когда нет. И соответственно реагирую, подстра-

иваясь на ходу под его выражение лица. Я понимаю, когда ему требуются дополнительные детали, а когда можно обойтись без них. Мы работаем в синхронном режиме.

Это бизнес. Он не может быть сексуальным.

И все же...

Через некоторое время он складывает пальцы домиком. Он бизнесмен, пианист, дьявол.

– Ты конечно же говоришь в общих чертах, – произносит он. – Чтобы разработать детальный и жизнеспособный план, ты собираешься более внимательно присмотреться к нашей компании, поговорить с директорами отделов. Ты собираешься проникнуть внутрь моих стен.

– Я собираюсь сделать гораздо больше, – замечаю я. – Я собираюсь разрушить эти стены. Это единственный способ раскрыть потенциал.

Он смеется. Я наконец-то расслабляюсь. Я наслаждаюсь собой.

Больше, чем следовало бы.

Он кладет на столик кредитную карту; дополнительных намеков обслуживающему персоналу не требуется. Мне тоже. Я начинаю вставать, но он останавливает меня жестом руки.

И я попадаю под магию его взгляда.

Официант забирает карту и возвращает ее; мистер Дейд вписывает до нелепости большие чаевые, прежде чем вывести меня на улицу.

– Где ты припарковалась?

Я киваю в сторону машины.

Он идет со мной. Не спрашивает, уместно ли это.

– Мне отвратителен твой костюм.

– Хорошо, что вам не приходится носить его, – говорю я.

Вот моя машина, стоит, припаркованная параллельно улице, готовая увезти меня в безопасное место. Почему же я медлю?

Я чувствую его руки, хотя они не касаются моей кожи. Они на отворотах моего пиджака. Он расстегивает его, снимает с моих плеч, стягивает с меня, прямо там, посреди улицы. Я не могу позволить, чтобы люди видели это. Я не могу позволить ему выиграть этот раунд.

Иногда меня шокирует, каким слабым может быть слово «не могу».

– Это мой пиджак, – шепчу я.

– Это ряса.

Я вопросительно смотрю на него, ожидая пояснений.

– Как ряса монахини, – говорит он. – Одежда, созданная для того, чтобы скрыть каждый изгиб тела, каждую волнующую деталь, – респектабельный выбор женщины, которая избрала стезю целомудрия. Но...

Он делает паузу и кладет руку мне на шею. Я дрожу, когда его пальцы начинают скользить вверх, потом вниз, потом опять вверх к моим волосам...

– Мы оба знаем, что ты не монашка.

– Я встречаюсь кое с кем. И мы собираемся пожениться.

– Правда? – Уголок его рта дергается. – Ну, рысы бывают разные, не так ли? Некоторые женщины прячут свое истинное «я» под многими покрывами. Некоторые из этих покровов сделаны из ткани, некоторые из ошибочных отношений.

– Вы ничего не знаете о моих отношениях. Вы не знаете меня.

– Возможно, нет. Но я знаю, как ты выглядишь без всех этих покровов.

Юбка у меня до колена, под блузкой ничего не разглядеть. И все же я чувствую себя обнаженной, стоящей здесь, на тротуаре, под пристальным, изучающим взглядом мужчины, затуманенным видениями одной-единственной ночи, которую я так опрометчиво подарила ему.

Люди смотрят. Мне не надо оглядываться на многочисленных прохожих, чтобы увидеть это. Я чувствую их взгляды, как чувствовала это в Вегасе.

Но имеется одно существенное отличие – в Вегасе дерзость уместна. Выставить себя напоказ в том облегающем платье перед полным залом народа – это в духе города развлечений, именно этого там от тебя и ждут. Об этом даже в брошюрах пишут. У Вегаса прекрасно поставленная экономика. Он такой, каков есть.

Но здесь, напротив офисного здания в Санта-Монике, внимание мистера Дейда абсолютно не к месту.

Люди смотрят на нас. Они видят летящие искры, чувству-

ют напряжение. Они хотят знать, что будет дальше.

И я хочу знать, что будет дальше.

Но я не должна поддаваться импульсу. Я делаю резкий вдох, расправляю плечи, пытаюсь не замечать посторонних взглядов.

– Вы ставите меня в затруднительное положение, мистер Дейд. – Мой ли этот голос, наполненный убедительной, но ложной уверенностью в себе? Я ли это, смотрю в его глаза, словно приглашаю к тому, чтобы подтолкнуть меня к следующему шагу? – Мой босс думает, что я переспала с вами, чтобы получить этот контракт. Вы компрометируете мою профессиональную репутацию.

Он склоняет голову набок, его глаза продолжают скользить вверх-вниз по моему телу, как несколько мгновений назад делали его пальцы на моей шее.

– Я не предлагаю бизнес каждой женщине, с которой сплю. Только тем, у кого есть гарвардское образование.

– А! – вырывается у меня. – Ну, тогда хорошо, что я не выбрала Йель.

Я осторожно отодвигаюсь от него, поворачиваюсь и сажусь в машину. Его теплый смех преследует меня, когда я жму на газ.

И только через несколько миль я понимаю, что мой пиджак остался у него.

Глава 4

Вечер пятницы. По пятницам я готовлю ужин для Дейва у себя дома. Всегда. Это небольшой ритуал, который стирает из нашей жизни налет неуверенности.

Вот и сейчас он сидит за моим обеденным столом, ест курицу с розмарином и дымящейся спаржей. Рядом с тарелкой стоит нетронутый бокал белого вина.

– Я составил бюджет для кольца, – говорит он.

– Бюджет?

– Я подумал, мы можем потратить около двенадцати тысяч, – объясняет он. – За двенадцать тысяч можно купить качество, а не внешний блеск. Мы хотим, чтобы все было взаправду, так?

Я поворачиваюсь к стеклянной двери, ведущей на задний двор. Дейв всегда предлагает, чтобы *все было взаправду*, но при этом сам не знает, что означают эти слова или как правильно их применять.

А я? Когда мистер Дейд водил кубиком льда по моему бедру, когда он целовал меня в том месте, где Дейв никогда не поцелует, когда дразнил меня своим языком... было ли это взаправду? Это казалось самой реальной вещью на свете. И в то же время было совсем нереально.

Мой взгляд вернулся к столу. Он сделан из темного мореного дерева и отполирован долгими годами своей жизни. Он

прочный, надежный, функциональный. Он взаправдашний. Прямо как Дейв.

Мистер Дейд первый мужчина, который заставил меня кончить стоя. Он первый мужчина, который видел меня голый, при этом оставаясь полностью одетым. Я и теперь вижу, как он обходит меня по кругу, оценивая, планируя нападение, вождедея...

Я заерзала на стуле.

– Ты в порядке? – Это голос Дейва. Голос разума и предостережения. Голос, к которому я должна прислушиваться. – Ты сегодня... какая-то возбужденная.

Слово колет мне кожу.

– У меня новый клиент... самый крупный, с кем мне приходилось работать. Полагаю... я просто немного разнервничалась.

– Господи, как я тебя понимаю! У меня тоже сейчас дел по горло. Ты знаешь, каково это.

Я знаю. Дейв адвокат по делам налогообложения. Как и я, он любит вещи, на которые можно рассчитывать, а вы всегда можете рассчитывать на то, что люди будут мухлевать со своими налогами. И тут на сцену выходит Дейв. Богатые дают ему деньги, которыми отказываются делиться с государством, и Дейв избавляет их от тревог.

Я смотрю, как он заканчивает еду, и понимаю, что хочу, чтобы он мог на меня рассчитывать. И хочу, чтобы он избавил меня от тревог, заставил их раствориться, как те неви-

димые деньги, которые он скрывает в налоговых убежищах.

Он кладет в рот последний кусочек, я встаю и подхожу к нему сзади. Мои руки ложатся ему на плечи и начинают делать массаж, избавляя тело от напряжения.

– Останься на ночь, Дейв.

– Хм, я и сам это планировал.

Он поднимает бокал и подносит его к губам, а я поднимаю руку и прохожу пальцами сквозь его белокурые волосы. Обхожу его и сажусь к нему на колени.

– Я хочу тебя, Дейв.

– Что на тебя нашло? – настороженно улыбается он. Бокал занимает свое прежнее место на столе.

Я наклоняюсь вперед и кусаю его за мочку уха.

– Не важно, что на меня нашло. Важно, что я хочу, чтобы кое-что в меня вошло.

Он не реагирует. Его руки нерешительно ложатся на мою талию.

Это могло бы быть хорошо. Это могло бы быть взаправду.

– Сегодня тебе не обязательно быть нежным со мной, – шепчу я. Мои пальцы вновь пробегают по его волосам, но на этот раз я сгребаю их в горсть и запрокидываю его голову, заставляя его посмотреть мне в глаза. – Я хочу, чтобы ты сорвал с меня одежду. Хочу, чтобы ты прижал меня, проникая внутрь.

– погоди, ты хочешь... – Его голос блекнет; я чувствую, как его руки начинают дрожать.

– М-м-м, я много чего хочу – ярости, страсти, чувственности... Возьми надо мной власть. Сегодня я хочу быть плохой девочкой. – Мой голос дразнящий, сладкий. – Дейв, ты *трахнешь* меня сегодня?

Он моментально сбрасывает меня с коленей и отскакивает в сторону; мне приходится схватиться за стол, чтобы удерживать равновесие.

– Что происходит? – Он выглядит потерянным. – Это не ты. Ты никогда так не разговариваешь.

Сладость ушла. Изумление порождает в нем гнев.

Он смотрит на меня с... отвращением.

– Ты даже бранных слов не произносишь!

Я отшатываюсь от него, чувствуя, как внутри зарождается водоворот стыда и сжимает мне сердце.

– Я... я просто подумала...

Я съеживаюсь под его неприязненным взглядом. Властность, которую я ощущала всего секунду назад, исчезает.

– Полагаю, я просто переутомилась, – неуклюже заканчиваю я.

Он колеблется. Он понимает, что усталость ничего не объясняет, но я вижу, что ему нравится эта простая отговорка. Он хочет принять ее.

– Ты перегружена на работе, – осторожно замечает он, проверяя свою способность противоречить логике. – Это выматывает. Я по себе знаю.

– Да, – говорю я, но слишком тихо. Я даже не уверена,

слышит ли он меня.

– Полагаю, мне все-таки пора идти. – Он берет пиджак, натягивает его. Теперь, когда он объявил о побеге, слова вылетают с большей скоростью. – Хорошенько выспаться – вот что тебе нужно. Я вернусь... скажем, в одиннадцать утра? У меня есть список ювелирных магазинов, с которых стоит начать.

Я киваю. Я не могу говорить. Иначе заплачу. Дейву не терпится сбежать от дьявола, который вселился в меня. Он считает, что тот исчезнет, как только я накроюсь одеялом, одна, в своей постели.

Он снова подходит ко мне и коротко целует в губы. Это поцелуй прощения.

Стыд сжимает мне горло, душит меня.

Открыв дверь, он оборачивается с сочувственной улыбкой:

– Мы захотим посетить несколько магазинов до того, как примем окончательное решение. Взвесим наш выбор и все такое.

Я снова киваю.

– Так что не забудь про удобную обувь. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя некомфортно.

Он посылает мне воздушный поцелуй и закрывает за собой дверь.

Я осторожно беру в руку его бокал с вином. С мгновение наслаждаюсь игрой света в бледной жидкости, потом подно-

шу к губам. Вкус цветочный, сладкий, чистый. Ангельский.

Я позволяю этим ноткам впитаться в язык, прежде чем запускаю бокал через всю комнату.

Я иду вперед и наступаю на кучу осколков, упиваясь звуком хрустящего стекла под своими удобными туфлями.

Уже поздно. Я приняла душ, постаравшись смыть унижение и гнев дешевым шампунем. Я зашла слишком далеко, вот и все. Как и корпорации, с которыми работаю, я сложна и многолика. И как в корпорациях, некоторые отделы моей души просто должны оставаться закрытыми.

Но и сильные стороны у меня имеются. Я хорошо справляюсь с работой. Я могу распознать скрытый потенциал, разглядеть мощь там, где другие ничего не замечают, и я могу найти пути оптимизации этой мощи, вывода ее на свет, чтобы все прочие тоже увидели ее.

Я сажусь за компьютер, мокрые волосы свисают на белый короткий халат от Donna Karan. Махровая подкладка впитывает лишнюю влагу с моего тела и дарит нежность, которой лишена эта ночь.

Я посылаю мистеру Дейду электронное письмо: «Мне нужно встретиться с директором вашего отдела программного обеспечения системы безопасности сотовых телефонов. Можно ли назначить встречу на понедельник?»

Это явная область развития. В обществе бродят разговоры о некоторых продуктах данной корпорации. Они отвеча-

ют требованиям, основанным на страхах... а страх всегда приносит самые большие доходы. Страховые компании, голливудские триллеры, машины с большим количеством подушек безопасности, чем подстаканников, — все они извлекают прибыль из страха.

Мой Мас подает сигнал о новом сообщении: приглашение от мистера Дейда к видеоконференции.

Пальцы висят над клавиатурой, потом перемещаются к поясу халата и потуже затягивают его. Я могу проигнорировать его. Ведь сейчас одиннадцать часов вечера пятницы.

Надо было полностью одеться, а уж потом посылать e-mail.

Я могу прямо сейчас влезть в костюм, заколоть волосы, но кто ходит дома в костюме вечером в пятницу? Он поймет, что я сделала это усилие ради него, не усилие потратить, но все же усилие. Он поймет, какое производит на меня впечатление, а я этого не хочу.

По той же причине я отвергаю идею отказа от приглашения. Внутренний голос нашептывает мне, что нажимать кнопку «принять» еще худшая идея, но я не прислушиваюсь к нему. Только не сегодня. Этот голос слишком слаб, чтобы достучаться до моего разума.

Я нажимаю «принять».

Мистер Дейд появляется на экране как воплощение моих самых темных фантазий. Он спокойно взирает на меня из своего уютного гнездышка. На заднем плане видна кровать.

Оранжевое одеяло пламенеет, словно огонь.

– Я не ожидал, что ты свяжешься со мной, – говорит он. – Ты всегда работаешь по ночам в пятницу?

– Это был всего лишь e-mail, – говорю я, пытаюсь сохранить холодное отстраненное выражение лица, чтобы хоть как-то компенсировать интимность белого халатика. – Я не ожидала видеосвязи. Это ваше приглашение пришло в неурочный час.

– Но ведь это рабочий e-mail. Полагаю, ты выставишь мне дополнительный счет за то время, которое потребовалось на его написание, и, возможно, за дополнительные минуты, ушедшие на то, чтобы обдумать его и даже включить компьютер. Ты сама выбираешь свое расписание, Кейси. Ты решила сделать этот час рабочим, и сейчас ты работаешь на меня. А я ожидаю, что во время работы ты полностью доступна... мне.

Его слова возбуждают меня, но я поджимаю губы, надеясь провести на песке черту дозволенного.

– Я всегда доступна для того, чтобы поговорить о работе, мистер Дейд.

– Ты можешь звать меня Роберт.

– Если бы мы были друзьями, я называла бы вас Роберт.

– А мы не друзья?

Он откидывается назад, и я впервые вижу изящные изгибы его кресла. Антиквариат, возможно восемнадцатый век. Это кресло говорит о власти и силе, но больше всего о день-

гах.

Я понимаю деньги. Я могу управлять ими, манипулировать ими. Я могу управлять этим мужчиной в неприлично дорогом кресле.

– Нет, – четко произношу я. – Мы не друзья.

– Тогда любовники? Как ты называешь своих любовников, Кейси? По фамилии? Или по имени? Или, может, выбираешь описательные определения?

– Мы не любовники.

– О, тут ты сильно ошибаешься. Я чувствовал тебя под своим телом, я держал эти груди в руках, я был внутри *тебя*. Я знаю, где коснуться тебя, чтобы ты потеряла контроль над собой.

– Это была всего лишь одна ночь. – Я пытаюсь говорить холодно, но вижу, что моей черте на песке угрожает прилив. – Аномалия. Я больше не ваша любовница.

– Тогда почему ты так реагируешь на меня?

Его слова проникают под кожу. Они играют с моими нервами и лишают меня силы воли. Я отвожу взгляд от экрана. Это просто глупо. Это не входит в мои планы. Я убрала осколки бокала с пола гостиной. Больше ничего разбивать нельзя.

– Я хочу встретиться с вашими директорами, с вашими инженерами, – говорю я, по-прежнему не глядя в компьютер. Мне нужно выровнять дыхание. – Я хочу поговорить с ними о ваших потенциальных возможностях.

– Ты помнишь, как касалась меня здесь?

Я поворачиваюсь к экрану, и он одним грациозным движением снимает с себя черную футболку. Он идеален, красив, силен; он проводит пальцами по царапинам на коже прямо над сердцем.

Неужели это сделала я? Я помню, как впивалась ноготками в его спину, но... о да, это было, когда он укладывал меня на пол. Он нежно пощипывал мои соски, когда я обвивала его ногами, никакого контроля, чистая страсть, желание и это ощущение... ощущение того, как он гладит меня, раскрывает меня, входит в меня, пока слова не перестают существовать.

– Ты помнишь, где я касался *тебя*, Кейси?

Я вспыхиваю, и осознание того, что он видит это, обдаёт меня ещё большим жаром. Я берусь за отвороты халата. Не открываю его, просто прохожусь по нему пальцами, окончательно утрачивая силу воли.

– Распахни халатик, Кейси.

– Я не могу сделать этого, мистер Дейд. Я хочу, чтобы вы сконцентрировались на деле. Мне нужно поговорить с вами о бизнесе... безопасности... общественном мнении... Есть стратегии, которые мы можем провести в жизнь.

Его губы изгибаются в улыбке, и цепочка моих мыслей прерывается, когда я вспоминаю, как эти губы прокладывали путь вверх по моему бедру.

– О, я само воплощение концентрации. Поверь мне, я про-

вою стратегию в жизнь.

– Я не ваш проект, мистер Дейд.

– Нет, ты моя любовница, Кейси. И я велю тебе показать, где я касался тебя.

Пора убирать руки от халатика. Пора выключать компьютер. Пора действовать как обычно – белое вино, а не виски; тихие домашние ужины, а не дикие ночи в Вегасе; и никаких разбитых бокалов.

– Распахни халатик, Кейси.

Я тяну за отвороты халата, немного приоткрываю его, и он видит очертания моей груди.

– Еще немного, мисс Фитцджеральд. – Он насмешливо произносит последние слова. Он передразнивает меня, подзадоривает. Это так по-детски, и я *должна была бы* легко противостоять этому.

Но я все же еще немного распахиваю халатик. Я смотрю в его глаза и снова чувствую его силу... но на этот раз она проникает в меня. Я вдыхаю ее; она наполняет меня, касается, ласкает.

Я решительно откидываю халатик назад. Он свободно свисает с моих плеч. Я смотрю в его глаза, и все тревоги неожиданно отступают прочь. Я расправляю плечи, пальцы начинают играть с сосками, которые тянутся к нему, отвердевшие, готовые к ласкам.

– Ты касался меня здесь.

И вот мы снова у стены в отеле The Venetian, и я снова

могу почувствовать его, закутаться в его неистовую энергию.

– Где еще?

Мои пальцы проходятся по внешней стороне груди и опускаются по ребрам к животу.

– Ты касался меня здесь.

Я чувствую, как он целует меня в шею, в ямку, где кожа нежнее всего.

– Где еще?

Мои пальцы опускаются ниже. Он не может видеть, где они находятся, но он знает; я по глазам вижу, что он знает.

И я чувствую его глубоко внутри себя. Я сгораю от желания оказаться на кровати с огненным покрывалом.

– Ты касался меня здесь, – выдыхаю я.

Я знаю, что волную его кровь. Теперь властью обладаем мы оба. Его дыхание немного учащается; в глазах появляется нетерпеливость. Его рука опускается вниз, за пределы видимости, и я знаю, *что* он там трогает, я знаю его во всех подробностях, я знаю его силу... и хочу вновь прикоснуться к нему. Попробовать на вкус так же, как он пробовал меня.

– Ты вошел в меня здесь. – Я тяжело дышу, поглаживая влажные складочки между ног.

Он стонет, когда я откидываю голову назад, утрачивая всякий контроль над собой. Я чувствую на себе его взгляд, его руки словно касаются меня – и о боже – как они хороши! И я трогаю себя, заменяя их. Я погружаюсь в его страсть, в свою страсть.

– Кейси, – шепчет он.

Мое имя – последняя ласка, которая мне нужна. Свободной рукой я судорожно вцепляюсь в край кресла, тело выгибается дугой, следуя по опасной тропинке к единственно возможной цели. Я слышу его стон. И знаю, что я не одна. Я знаю, что делаю с ним, с собой.

Мое тело сотрясает сильнейший оргазм. Это последний аккорд эротической рапсодии, которая оставляет у меня в душе смесь эмоционального удовлетворения и желания большего.

Несколько мгновений я не шевелюсь. Глаза закрыты, я слышу только свое дыхание и его. За много кварталов отсюда, рядом со мной, он везде.

И тихий внутренний голос, который пытался достучаться до меня раньше, голос, исходящий из той части меня самой, к которой следует прислушаться, обреченно шепчет: *«Ты разбила еще один стакан».*

У меня перехватывает горло, я трясущейся рукой тянусь к клавиатуре...

...и отсоединяюсь.

Глава 5

Я сижу в гостиной и жду. Жду Дейва. Жду хаоса. Что-то бурлит у меня внутри. Бульон из отчаяния и невыносимого желания. Он должен вырваться наружу. Излиться вместе с токсическими отходами, отравляющими наши жизни. Чего я не могу сделать, так это добавить обмана в кипящий котел. Дейву надо сказать... что-то.

Я встаю, подхожу к окну и смотрю в ярко подсвеченное серое небо. Могу ли я возложить на Дейва вину за свои недавние ошибки? Мне бы очень этого хотелось. Предсвадебная лихорадка, вот что это такое. Мое подсознание подсказывает мне, что предложенный Дейвом союз не настолько идеален, как я себе представляла. Он так легко отверг меня вчера вечером, как попрошайку, протягивающего руку за сдачей. Отверг меня с улыбкой, с вежливым выражением сочувствия и презрения на лице.

Именно презрение заварило этот бульон, обида подстегнула мятеж. Поэтому я непременно поговорю с Дейвом. Прислушаюсь к мелодии нашей жизни. И если она окажется грубоватой, я найду способ сгладить углы, отключу электрогитары и убавлю басов, пока не останется только мягкий, безвредный мотивчик, под который можно танцевать.

Но как только звенит дверной звонок, я передумываю. Дейв стоит на пороге с дюжиной белых роз. Белые розы

были на приеме, на котором мы познакомились... шесть лет назад... вечность назад. Но сейчас воспоминания яркие как никогда. Дейв провожал меня до машины, и, когда мы проходили мимо флориста, он захотел, чтобы у меня тоже были белые розы; он купил мне целую дюжину, чтобы я могла забрать их домой. Потом он попросил у меня телефон, и я была так тронута, что дала ему номер. Большинство девушек готовы много отдать за букет: телефонный номер, улыбку, даже отказаться от гнева. Но конечно, самая обычная цена за этот милый подарок – потеря решимости.

Я отхожу в сторону, пропуская его внутрь, и смотрю, как он исчезает в кухне, а потом появляется снова с розами, аккуратно поставленными в вазу. Он находит для них идеальное место на моем обеденном столе.

Мы с Дейвом не сказали друг другу ничего, кроме «привет», но розы говорят сами за себя.

– Я слишком остро отреагировал вчера вечером, – произносит он. Он смотрит на розы, не на меня, но я не против. – Я не хотел переезжать в Лос-Анджелес, ты знала об этом? Я сделал это только ради работы.

Я неопределенно пожимаю плечами. Он рассказывал мне об этом, но я не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Это такой безвкусный город, – продолжает он. – Место, где мужчины улыбаются тебе отбеленными зубами, а женщины машут у тебя перед носом фальшивой грудью. Здесь все агрессивные, но женщины... они ведут себя как мужчины.

Как трансвеститы с жадой эксгибиционизма. Они не леди. Они не ты.

– А я леди?

– Но ты еще и сильная, – быстро добавляет Дейв. Он садится на один из моих обеденных стульев с мягкой обивкой. – Сильная, амбициозная, собранная, спокойная, красивая. – Он замолкает в поисках метафоры. – Ты как скрытое оружие. Пистолет в сумочке от Hermès.

Мне нравится этот образ.

– Женщина с сумочкой от Hermès знает, что ей нужно просто достать пистолет, чтобы держать волков на расстоянии. Она делает это только в случае крайней опасности. Потому что пистолет в руке вульгарен, обычен, – говорит он. – Но когда он тщательно спрятан в сумочку от-кутю, он становится чем-то еще.

По мере того как метафора обрастает деталями, она теряет свою привлекательность. Оружие, которое нельзя держать в руке, бесполезно. Оно отрицает свой *raison d'être*.

Но я улавливаю смысл. Вчера я была не той женщиной, которую он хочет видеть во мне, не той, которая встречалась с ним, которая влюбилась в него. Вчера вечером оружие явилось из сумочки на свет.

– Я слишком остро отреагировал вчера вечером, – повторяет он. – Но ты меня напугала. Не потому, что твои слова показались мне экстремальными, а потому, что ты бы так никогда не выразилась.

Он встает, берет из букета одну розу и протягивает ее мне.

– Помнишь, как я в первый раз купил тебе розы? В день нашего знакомства?

– Я только что закончила аспирантуру, – кивнула я, вспоминая. – Эллис взяла меня с собой на встречу выпускников Нотр-Дама, потому что встречи Гарварда не принесли мне интересных предложений о работе.

– Я помню, как ты держала себя, – говорит он, – скромность и сила. Как только я тебя увидел, мне захотелось быть рядом с тобой.

Мои глаза останавливаются на розах, время течет вспять.

В тот день Дейв выглядел превосходно. По-мальчишески милый... может, чуть неловкий в своей рубашке в тонкую красную полоску и синем галстуке, в городе, где галстуки носят исключительно продавцы автомобилей и банковские служащие. Но мне понравилось, что он не играет по правилам Лос-Анджелеса. Он выделялся. Он словно явился из тех времен, когда образованные люди были джентльменами, а слово «элитарность» не несло в себе отрицательной окраски.

В начале нашей беседы он немного стеснялся, но по мере разговора быстро обрел уверенность. Он сказал, что замолвит за меня словечко в крупной консалтинговой компании, в которой я когда-то мечтала работать. Меня не взяли туда из-за отсутствия опыта, но оказалось, что крестный Дейва – один из отцов-основателей фирмы. Он мог дать мне крайне редкий и плодотворный второй шанс.

А потом Дейв начал рассказывать мне о себе, как он уже два года живет в Лос-Анджелесе. Он ненавидел смог, ненавидел пробки, ненавидел людей и культуру Голливуда. Но ему нравилась его фирма и то богатство, которое удастся извлечь из карманов от Armani. Было бы очень безответственно все бросить и уехать в какой-нибудь милый захолустный городишко.

Я сразу поняла, как мы с ним похожи. Он следовал правилам. Он был ответственным, прагматичным – не руководствовался соблазнами и внезапными порывами. Дейв был надежным. И вот я стояла там, рядом с ним, выпускница Гарварда с целой кучей долгов по студенческим кредитам и без единого достойного предложения о работе, и надежность казалась мне очень милым... даже сексуальным качеством.

И мне тоже захотелось быть рядом с ним.

Он подносит розу ближе, теперь ее лепестки касаются моей шеи. Этот жест возвращает меня в реальность.

– Не меняйся, Кейси, – умоляет он. – Ты – единственное, из-за чего я могу вытерпеть этот город. Когда я с тобой, мне кажется, что я недалеко от родного городка. Когда я с тобой, я дома.

Он делает шаг вперед; роза остается на прежнем месте, нежные лепестки у моей кожи.

– Не меняйся. Прошу тебя, не меняйся.

Это мужчина, которого я хотела обвинить в своих же проступках. Это мужчина, которого я предала дважды за одну

неделю. Это мужчина, который видит меня такой, какой я хочу, чтобы меня видели окружающие. В его глазах я леди, смертоносное оружие в дизайнерской сумочке. Дейв видит во мне стремление к тому, кем я хочу быть, тогда как мистер Дейд видит женщину, от которой я бегу. Дейд видит ту версию, которую я похоронила в мешке для одежды.

Мне следовало понять это раньше, до того, как я приняла приглашение нарушить правила.

Мне не пришлось искать свою роль в жизни. Мне ее всегда навязывали. Родители, учителя, этот мужчина с белыми, белыми розами. Моя сестра выбрала другой путь. Теперь разговоры о ней в моей семье под запретом. Как древние египтяне, которые стирали образы и имена впавших в немилость богов, моя семья просто стерла сестру из своей жизни. Я живу той жизнью, которой от меня ожидают и за которую меня любят. Так зачем же все менять теперь?

– Сегодня я собираюсь купить тебе кольцо, – говорит Дейв.

Я киваю и улыбаюсь.

Магазин за магазином, кольцо за кольцом, и ни одно из них не кажется правильным. Некоторые слишком тяжелые, другие слишком мрачные. Бриллиант за бриллиантом, каждый достаточно острый, чтобы порезать стекло. Каждый говорит о традиции, восходящей к пятнадцатому веку. Об истории, приправленной кровью и жадностью. Есть гораздо бо-

лее невинные обычаи. В колониальные времена мужчины дарили женщинам наперстки в знак вечной привязанности. Не знаю, что бы я делала с наперстком.

Но я также не знаю, что делать с бриллиантом.

– Может, какой-нибудь другой камень? – предлагаю я, разглядывая кроваво-красный рубин.

Женщина за прилавком улыбается дежурной улыбкой продавца, который учуял запах денег.

– Он фактически не обработан. – Она вынимает кольцо из стеклянной витрины и протягивает мне. – Его просто достали из земли, обрезали и отполировали.

Дейв морщит нос. Ему не нравится такое определение, но меня оно завораживает. Я подношу камень к свету.

– У всех рубинов есть небольшие изъяны, – продолжает продавщица. – Вкрапления волосков рутила. Мы называем их ниточки шелка. Рубин – более сложный камень, чем бриллиант. Он отличается от других своими изъянами.

Ниточки шелка. Теплый, уютный термин. Тут даже изъянам подбирают красивые имена.

– Нам нужен бриллиант, – отрезал Дейв. – Он более... чистый.

Я не знаю, правда ли это. Десятилетия рабства в Южной Африке, бессмысленная военная диктатура несметно богатой Мьянмы. Боль и несправедливость – и все это ради красивых маленьких камушков, которые призваны быть символом самого светлого чувства. Хотя, может, они-то как раз и

подходят, если задуматься об истинной сути любви.

— Будет ли слишком неуместно выбрать что-то другое? — спрашиваю я Дейва.

Дейв колеблется. Внутренняя борьба отражается в его глазах. Я знаю, что он сравнивает размер своей вины за вчерашний вечер со своими истинными желаниями.

Вина побеждает.

— Если ты действительно хочешь рубин, так тому и быть. — Он целует меня в щеку и обнимает за напряженные плечи. — Я хочу, чтобы ты была абсолютно счастлива.

Надевая кольцо на палец, я думаю, мудро ли желать человеку чего-то столь преходящего и иллюзорного, как абсолютное счастье.

Несколько часов спустя и через несколько минут после того, как Дейв отправился играть в бадминтон со своим партнером по бизнесу, я сижу дома, размышляя... ну... над всем подряд.

Кольца у меня нет. Цена оказалась больше, чем выделенный Дейвом бюджет. Поэтому мы ушли. Он сказал продавщице, что хочет подумать, а она в свою очередь заверила нас, что поговорит с менеджером и спросит, можно ли немного сбавить цену. Дейв считает, что это первый шаг к скидке, да и накрутка на драгоценные камни настолько высока, что *не* поторговаться было бы чистым безрассудством. Но я непременно получу свое кольцо. Он наденет его мне на палец, и

оно там останется... навсегда. Как мы и планировали.

Я прокручиваю в голове это слово: *навсегда*. Я не знаю, что оно означает.

Я беру с журнального столика «Форбс», но не могу на нем сосредоточиться.

Нет ни одной логической причины, по которой я не должна выходить за Дейва. Он делает все, что полагается. Дарит мне кольцо, которое я хочу, в обмен на согласие быть такой, какой я была всю свою жизнь. Все, чего он хочет, – чтобы я отбросила недавние дикие выходки. Компромиссы – это опорные балки, на которых держится любой брак.

Мой компромисс – отказаться от той части своей личности, с которой мне самой некомфортно.

Так почему же это кажется невозможным?

Неожиданно на меня наваливается усталость. Я закрываю глаза и откидываю голову на мягкую спинку кремового кожаного кресла.

На темной поверхности век появляется образ мистера Дейда. Я вижу его, чувствую его. Ощущаю уже знакомую пульсацию.

Это нехорошо.

Я встаю, иду на кухню и наливаю себе минералки в хрустальный стакан для воды. Фантазии – это нормально. Я знаю об этом. Сильно ли они отличаются от фантазий об актере, рок-звезде или модели-мужчине, рекламирующем джинсы Diesel?

Да. Потому что я никогда не ласкала актера, рок-звезду, модель. Я никогда не снимала халата перед этими людьми. Я не просила их стянуть с меня трусики. Я не знаю, какие у них пальцы.

Я хочу закрыть глаза, но не могу, потому что тут же появляется *он*. Мне приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы изгнать его из своей головы. Держать его образ на расстоянии – все равно что участвовать в армрестлинге. Если я расслаблюсь, если позволю воспоминаниям взять над мной верх, я проиграю.

Я отпиваю воды. Я знаю, что уже проиграла, потому что, если мне удастся прогнать его образ, пока я стою с открытыми глазами, от воспоминаний о его прикосновениях я избавиться не могу. Даже теперь, когда я пытаюсь это сделать, у меня все намокает.

Я расстегиваю джинсы и осторожно просовываю в них руку.

Едва коснувшись себя, я подпрыгиваю, удивившись своей чувственности. Я не должна делать этого, думая не о том мужчине, вспоминая...

Телефон издает сигнал, я снова подпрыгиваю и быстро оглядываюсь вокруг, как будто в комнате может быть кто-то еще и подглядывать за мной. Я вынимаю руку из трусиков и сую ее под кухонный кран с теплой водой. Затем, со все еще расстегнутыми джинсами, я иду в соседнюю комнату искать телефон. Он лежит рядом с розами на обеденном столе.

На экране высвечивается имя мистера Дейда. Просто СМС, просьба о встрече с моей командой во вторник в 9:30 утра. Нет ничего тревожного, возбуждающего, опасного... кроме его имени.

Но и этого вполне достаточно.

Я пробегаю пальцами по сенсорному экрану.

Я хочу встретиться пораньше.

Проходит секунда, другая, прежде чем он отвечает вопросом:

«Во сколько ваша команда может быть здесь?»

«Они будут у вас в офисе в 9:30 утра в этот вторник, – отвечаю я и делаю паузу, прежде чем добавить: – Я буду в 8:00».

Еще одна секунда тишины в ожидании ответа. Время тянется бесконечно, завязывая внутренности в узел.

И потом приходит всего одно слово:

«Да».

Глава 6

Во вторник я вхожу в здание из темного стекла. Мои каблукы стучат по мраморному полу на пути к лифту, и с каждым шагом пульс учащается, совсем немного, но достаточно... достаточно, чтобы напомнить мне, что я, должно быть, не в своем уме.

Я не останавливаюсь у информационного табло, чтобы сверить номер его офиса. Я знаю, куда иду, но я не уверена в том, что стану делать, когда окажусь там.

Перед его офисом есть приемная, но за столом секретаря никого. Дверь приоткрыта, и я вижу чашку кофе и маленькую коробочку печенья на столике у окна, явно забытые. А потом вижу его, за письменным столом, голова склонилась над бумагами. В каплях воды на его волосах цвета перца с солью играют отблески света, намекая на недавно принятый душ.

Я замираю на мгновение и представляю себе эту картину: Роберт Дейд стоит голый под душем, струи воды омывают его, глаза закрыты, он погружен в свои мысли и ощущение тепла на коже, в свой тихий, уязвимый мирок. Я представляю, как проскальзываю в душ у него за спиной, касаюсь пальцами его волос, он сперва напрягается от удивления, но тут же расслабляется под моими ласками. Я представляю, как провожу мыльными ладонями по его спине, ягодицам,

глажу его копье, пока оно не становится чистым, твердым, идеальным.

Резкого вдоха достаточно, чтобы он оторвался от документов и переключил свое внимание на меня. Но видит румянец на моих щеках и улыбается.

Я впиваюсь ногтями себе в ладони и стараюсь сконцентрироваться на боли. Я несколько дней обдумывала все это. Я здесь не для того, чтобы подпитывать свои фантазии. Я здесь, чтобы покончить с ними. Я здесь, чтобы все прояснить и стать той женщиной, которой я хочу быть. Таблички в национальных парках велят нам не сходить с тропинки. Если мы сойдем с нее, то можем заблудиться; но прежде всего мы можем разрушить все то, ради чего пришли в парк.

Я вошла в офис с твердым намерением остаться на тропе, несмотря на то что дверь за собой я закрыла.

Глядя в его глаза, я вижу массу всякой информации. Он хочет меня. Ему любопытно. Как и я, он не знает, чего ожидать, и хочет понять, где сегодня проходит демаркационная линия, линия между тем, во что меня можно втянуть, а во что нет.

– Это должно прекратиться, – говорю я.

– *Это?* – спрашивает он со своего места.

Голос у меня ровный и намного холоднее, чем пылающие щеки.

– Больше никаких проступков, больше никаких ошибок. С этим покончено. Дейв и я... мы выбрали кольцо.

– Дейв. – Он осторожно произносит имя, встает и обходит стол, но останавливается сбоку от него, все еще в поисках черты. – Значит, так его зовут?

Я киваю:

– Он хороший человек. Добрый, тактичный... он покупает мне белые розы. – Слова вылетают из моего рта как стрелы, но у них нет цели, поэтому они не могут ее достичь.

– Тогда он плохо тебя знает.

– Он знает меня шесть лет – почти всю мою взрослую жизнь.

– В таком случае его невежеству нет оправдания. – Он делает шаг вперед. – Белые розы прекрасны, но они не имеют ничего общего с твоей сутью. Ты больше похожа на африканскую фиалку. Ты когда-нибудь видела африканскую фиалку?

Я качаю головой.

– Это цветок глубокого фиолетового оттенка, королевского цвета. – Он изучает меня, сложив руки на широкой груди. – У нее бархатистые лепестки; кажется, им хочется, чтобы их потрогали. А в самом центре, в сердцевине, там, где пчелы собирают нектар, она ослепительно золотая. Это не мультяшная чувственность, как у антуриума, и это не избитое клише, как орхидея, которую все равно нельзя сравнить с тобой, орхидея слишком хрупка. Африканская фиалка сильна, соблазнительна, ее красоту можно увидеть, но чтобы сполна насладиться ее глубиной, к ней надо прикос-

нуться. Очень необычный цветок.

– Нет, – отрезаю я. – Мне нравятся традиционные розы. И мне не важно, что они обычные. Они просты, элегантны... милы. – Я расправляю плечи, но не смотрю ему в глаза. – Это должно прекратиться, – шепчу я. – Больше никаких ошибок.

– Мы не сделали никаких ошибок. Все, чем мы занимались, было продуманным и намеренным.

– Нет, я ничего не продумывала. Я была... ошеломлена. Он снова улыбается. Мне нравится его улыбка. Она делает его моложе и более озорным. Мне нравится, как она порождает тепло у меня в животе... и других частях тела.

– Я не силой унес тебя от игрового стола, – говорит он. – Ты шла со мной своими ногами. И ты сама заказала виски.

– Я просто хотела его выпить.

Он делает еще один шаг вперед.

– Ты поднималась на лифте в мою комнату.

Еще один шаг.

– Ты удобно устроилась, приняла бокал очень дорогого скотча.

Еще один шаг.

– А когда я попробовал этот скотч на твоей коже, ты схватила меня за футболку.

И еще один. Он протягивает руку и хватается меня за белую шелковую блузку. Другая рука ложится мне на бедро, потом скользит к животу, опускается ниже.

Я задыхаюсь, когда он сжимает ее.

– Ты попросила снять с себя трусики.

Юбка, которую я сегодня надела, слишком просторная. Она открывает ему доступ. Я чувствую, как его рука прижимается к ткани, отделяющей плоть от плоти, оказывая продуманное давление. Я еще сильнее впиваюсь ногтями в ладони, но боль становится приглушенной, несущественной на фоне других ощущений.

– Попроси меня остановиться, и я остановлюсь, – тихо произносит он. – Но не говори, что *это* должно прекратиться. Нет никакого *это*. Есть *ты*, и есть *я*. У нас всегда имела возможность сдержаться. Мы вольны сказать «нет». – Он уменьшает нажим. – Или «да». – И с этими словами его рука начинает двигаться вперед-назад.

Мое тело отвечает ему, бедра дрожат от желания включиться в ритм.

– Попроси меня остановиться, Кейси, если ты этого хочешь. Все, что от тебя требуется, – просто попросить.

– Мистер Дейд, – выдыхаю я. – Роберт.

– Да, – говорит он. Это не вопрос. Это заявление. Утверждение того, что есть и чего нет.

Я цепляюсь за руку, которая все еще держит мою блузку, я смотрю в эти глаза, я читаю, что в них написано.

– Роберт Дейд, – тихо говорю я, – прекратите.

Его руки падают вниз. Он делает шаг назад, не разрывая зрительного контакта. Дыхание у меня прерывистое. Я жду, пока уляжется возбуждение. Но оно не проходит. Оно просто

превращается в нечто другое.

Нечто, больше всего напоминающее силу.

Я улыбаюсь.

Сделав полукруг, я оказываюсь у него за спиной. И сокращаю дистанцию, которую я только что просила его установить между нами.

Я не должна делать этого. Но я делаю.

Я касаюсь пальцами его волос, как в своей фантазии.

Как я и предвидела, он напрягается, потом расслабляется.

– Ты взял мой пиджак, – шепчу я ему на ухо.

Я запускаю пальцы за отворот его пиджака, стягиваю его и бросаю на пол. Я вижу его прекрасное мускулистое тело и лгну к нему, прижимаясь грудью к тому месту, где его мускулистая спина начинает переходить в узкую талию.

– Это будет последний раз, – говорю я. – Сегодня утром мы поставим точку. Я в самый последний раз схожу с тропы.

Он поворачивается и смотрит на меня. Он старается найти связь между моими словами и робкой улыбкой, играющей на моих губах.

– Это последний раз, – повторяю я, откидываясь на стол. Я нервничаю и шокирована своими словами, своими желаниями, своими поступками. – Это последний раз, – говорю я снова, усаживаюсь поудобнее и раздвигаю ноги. – Пусть он будет прекрасным.

В мгновение ока он уже на мне. Его губы впиваются в мой рот, он тянет меня за волосы, задирает юбку, отодвигает тру-

сики в сторону, и я чувствую, как его пальцы проникают в меня. На этот раз я не сопротивляюсь. Его губы имеют горько-сладкий привкус. Пальцы движутся все быстрее, и я нежно кусаю его за губу, пытаюсь сдержать стон.

Я сражаюсь с пуговицами на его рубашке. Мне отчаянно хочется прикоснуться к нему, к каждой части его тела. Я не хочу ничего оставлять воображению или воспоминаниям, на оживление которых я потратила столько времени.

Это самый последний раз, и я собираюсь взять от него все. Теперь грудь его обнажена, пришла моя очередь гладить ее и пробовать его на вкус. Мои губы продвигаются к его шее, я ощущаю биение пульса под своим языком, пока его пальцы продолжают трудиться. Когда большой палец ложится на клитор, у меня вновь вырывается стон, и на этот раз я не успеваю сдержать его.

Он не видит моего лица. Мои губы касаются его плеча, потом проходятся по груди к другому плечу; плечи у него сильные, как у Атланта. Нет, он не видит моего лица, но чувствует мою реакцию – у меня начинается оргазм. Тело трясет.

Я расстегиваю ремень его брюк, сражаюсь с пуговицами, выпуская на волю то, что ждет меня. Брюки падают на пол, и моя рука скользит вниз, проходится по вздыбленному естеству и останавливается на ободке, окаймляющем вершину.

Теперь комната наполняется его стоном. *Его* дыхание сбивается, когда он расстегивает мою блузку и бюстгальтер, бе-

рет в ладонь мою грудь, пощипывает соски, целует мои волосы.

Я сама снимаю юбку. Я хочу сама дать ему это и хочу сама подарить себе все, что он может предложить. Опыт должен быть не только тактильный, но и висцеральный. Я вдыхаю его, чувствую его прикосновение...

Я хочу попробовать его на вкус.

Я опускаюсь на колени и позволяю языку станцевать танец на его копье. Мне нравится, как оно еще больше напрягается, тянется ко мне, ждет меня, умоляет меня.

Когда я беру его в рот, он издает звук, напоминающий рычание.

Производимый мною эффект усиливает желание, вожделение, жажду. Мой рот продолжает работать, а руки гладят его живот, бедра, ноги.

И вдруг он отстраняется от меня. Возвращает на стол, раздвигает мне ноги и с мгновение смотрит прямо в глаза, прежде чем рывком войти в меня.

Я кричу, тут же снова кончая. Он наполняет меня, на губах его вкус, мои пальцы судорожно сжимают его плечи, а он движется, движется, вновь и вновь проникая в меня. Я не могу отвести взгляда. Мои бедра подстраиваются под его ритм и жадно поднимаются ему навстречу, словно приглашая его пробиться еще глубже. Он поднимает мои колени к груди, создавая себе новые преимущества.

И когда мое тело сотрясает третий оргазм, он поднимается

на вершину вместе со мной, и мы сливается в единое целое.

И пока мы крепко прижимаемся друг к другу в комнате, пропитанной запахом кофе и секса, я слышу, как он шепчет... может, себе, а может, мне:

– Последний раз, попка моя.

Через пятнадцать минут я выхожу в приемную мистера Дейда, одна, полностью одетая, но пытающаяся разгладить заломы на блузке. Я не замечаю личную помощницу мистера Дейда, пока не сажусь на диван.

У нее темно-рыжие волосы, огромные зеленые глаза и скулы, словно высеченные из мрамора. И она смотрит на меня. Я делаю резкий вдох удивления, и она отвечает мне любопытной улыбкой.

Как долго она здесь? Она слышала нас?

Но разве имеет значение, что она слышала? Главное, она *знает*! В этих зеленых глазищах не отражается тот образ, который я так тщательно слепила для окружающих. Вместо этого она видит женщину, движимую низменными инстинктами, женщину, которая пробирается в офисное здание в восемь утра, чтобы потрахаться со своим клиентом.

Женщину, которая берет то, что хочет.

Эти слова произносит голос у меня в голове. Не к такому голосу я привыкла. Ангел у моего правого плеча победил дьявола у левого вечно назад. Но теперь дьявол заговорил. А у ангела не находится слов.

– Не хотите стакан воды? – спрашивает женщина. Она наклоняет голову набок, рыжие волосы падают на плечо.

Я молча киваю, и она с широкой улыбкой покидает приемную и возвращается с чистым стаканом и бутылкой Smart-Water.

– Я Соня, – говорит она, когда я протягиваю руку к бутылке и стакану.

Она не сразу дает их мне. Я поднимаю глаза и вижу, что она уставилась на пуговицы моей блузки. Я пропустила одну, когда застегивалась. Я быстро хватаю воду и стакан, ставлю их на столик и начинаю решать проблему.

Я чувствую, скольких усилий ей требуется не задать мне вопрос. Освободившиеся руки Сони делают неопределенное движение, будто хотят помочь мне.

– Прекрасный шелк, – говорит она, молча наблюдая за быстрой работой моих пальцев.

Она хочет меня. Это знание бурлит во мне, как гейзер. Я смотрю на ее беспокойные руки, в ее изумрудные глаза. Помощница мистера Дейда хочет меня.

И, как ни удивительно, я ее понимаю. Я никогда не ощущала ничего подобного, никогда прежде не была с женщиной. И не могу полностью представить себе этого. Женская кожа слишком нежная, ласки слишком деликатные.

Мистер Дейд тянул меня за волосы, поднимал меня, входил в меня...

Нет, я не могу представить себя с женщиной... и все же я

понимаю ее желание, и у меня начинается вибрация во всех частях тела, к которым она хотела бы прикоснуться. Я бросаю взгляд на закрытую дверь кабинета мистера Дейда. Ее желание рождает во мне потребность распахнуть эту дверь и попросить его взять меня снова – у стены, на столе, на полу. Я чуть не расхохоталась, когда поняла, что единственное место, где мы не занимались любовью, это кровать.

Зеленые глазищи смотрят в сторону. Я узнаю румянец смущения на щеках Сони.

– Я не знаю, говорил ли он, – она кивает в сторону кабинета, – но у него встреча в девять тридцать.

– Да. – Мне удастся наконец вымолвить несколько слов, все пуговицы уже на своих местах. – Со мной и моей командой.

– Вы и есть девять тридцать? – Она идет к столу и сверяется с компьютером. – Кейси Фитцджеральд?

Я киваю.

– А! – Она садится на стул. – Вы рано начали.

До нее внезапно доходит, что она сказала, и едва сдерживается, чтобы не захихикать.

Но мне невесело. Безумная уверенность, заполнявшая меня всего несколько секунд назад, испаряется без следа, и я так сильно сжимаю ноги, что бедра пронзают крошечные иголки боли. Может, меня и хотят, но я рискую унижением.

Гордость и стыд разбиваются друг о друга, вызывая к жиз-

ни менее понятные эмоции. Мне хочется уйти домой, запретить все двери на замок и разобраться в сражении, которое идет у меня в душе.

Но я велела своей команде собраться в приемной мистера Дейда. Поэтому я пью воду и безуспешно пытаюсь смыть его смущение.

Минуты проносятся прочь, я не смотрю на Соню. Я делаю вид, что не вижу ее, когда она стучится в дверь кабинета мистера Дейда и спрашивает его, не нужно ли ему еще чего-нибудь. Интересно, он тоже смущен? По уверенному тону ответа этого не скажешь. Похоже, я одна здесь нервничаю.

Она возвращается за стол и пытается улыбнуться мне заговорщической улыбкой, но я снова игнорирую ее. Я еще больше напрягаюсь, когда слышу в коридоре знакомые голоса. Моя команда из четырех человек влетает в приемную, как прайд львов на охоте. Дамиан, единственный мужчина, чуть задерживается, пропуская женщин вперед. Нина, Таци и Аша – вот как их зовут. Их движения медлительны, чуть ли не ленивы, но под ними скрывается хитрость. Они впитывают каждую деталь, пытаясь выявить слабые места компании. Они голодны и готовы наброситься на все, что пахнет возможностью. Но они не видят меня... то есть видят, но не замечают детали. Не видят складок на блузке, которые уже практически разгладились. Не видят крепко сжатых кулаков на коленях. Они видят только Кейси Фитцджеральд, которая приветствует их по мере появления. Единственное, что

их удивляет, – распушенные волосы. Они не сочетаются со строгим костюмом, к такому стилю мои коллеги не привыкли. Каждый считает своим долгом сделать мне комплимент, одарив любопытным взглядом. Я благодарю их за первое и не обращаю внимания на второе.

Когда мистер Дейд выходит в приемную, я встаю и, словно деревянная, пожимаю ему руку.

– Мисс Фитцджеральд, рад снова видеть вас.

Его озорная улыбка выводит меня из равновесия. Мне хочется оглянуться и проверить, не заметил ли кто-нибудь чего-нибудь подозрительного, но так я точно выдам себя.

– Могу я представить вам свою команду? – спрашиваю я.

Он кивает, и я произношу имена коллег. Он пожимает всем руки, излучая уверенность, произносит слова приветствия и снова улыбается мне.

– Должен сказать, ваш босс произвел на меня неизгладимое впечатление, – говорит он, не обращаясь ни к кому конкретно. – Ее энтузиазм и страстность дает мне надежду, что вы сумеете поднять Maned Wolf на новый уровень.

Я бросаю взгляд на его помощницу, которая сидит, кусая губы. Но моя команда не замечает ничего необычного.

У меня из груди вырывается едва слышный вздох облегчения, и я мысленно отвечаю на замечание мистера Дейда. Меня больше впечатляет слово «босс», чем тонкие намеки. Это *моя* команда. Раньше у меня никогда ее не было. Я наконец-то обрела власть!

Но когда мы выходим из приемной мистера Дейда, он начинает свой тур, я вспоминаю совсем другие вещи – ощущение его рук между бедер, его поцелуи на моих волосах.

Прокручивая в голове эти образы, я оглядываюсь на помощницу. Она смотрит на меня почти с обожанием, почти с восторгом. *Она* видит детали. И в этот момент я понимаю, что власть недостижима.

Глава 7

Помещение за помещением, офис за офисом мистер Дейд ведет мою команду по запутанным коридорам своей жизни. А это и есть его жизнь. Об этом говорит то, с какой мальчишеской трепетностью он описывает свою продукцию. И то, с какой нежностью он показывает нам планы своих инженеров. Конечно, не с той нежностью, что он дарил мне совсем недавно, но и она пропитана любовью. Это слышится в его легком смехе, когда мы беседуем с маркетинговой группой за ланчем в конференц-зале. Он знает имя каждого сотрудника и то, чем именно он занимается. Он рассказывает об обязанностях своих людей с энтузиазмом человека, повествующего о любимых футбольных игроках. Мои коллеги делают заметки, я тоже. Но пока моя ручка скользит по бумаге, глаза неотрывно следят за ним. Он завораживает меня. Даже то, как он двигается, когда ведет нас на встречу с другими директорами.

– Не забывайте, что для меня и Роберта это место – не просто компания, – добродушно заявляет его вице-президент, пожимая руку мне, затем Аше, затем Таци и так далее. Мистер Дейд стоит у него за спиной, без слов овладевая пространством. – Особенно для Роберта, – продолжает мужчина. – Для Роберта это дом вне дома. По-настоящему живет он именно здесь. *Это* его истинный дом.

Это заявление застает меня врасплох. Карьера всегда составляла немалую часть моей личности. Успех движет мною, неудачи подстегивают... но компания, на которую я работаю... думала ли я когда-нибудь о ней как о доме?

Мистер Дейд тихо смеется и качает головой.

— Да ты ничем не лучше меня, Уилл! Если я провожу здесь семьдесят часов в неделю, то ты шестьдесят восемь. Вот почему твоя жена так меня ненавидит.

Это благодушная, беззлобная перепалка. Более того, она братская. Том Лав, Нина, Дамиан, был ли кто-нибудь из них моей семьей?

Я наблюдаю за тем, как моя команда пластиковыми улыбками и одобрительными кивками подбадривает этого человека, Уилла, который теперь говорит о прогнозах и амбициях корпорации. Я не знаю этих людей. Да, мне знакомы их стратегии, их рабочая этика, уровень образования, но я не знаю, что отличает их друг от друга, что делает их уникальными личностями. Мне неизвестно, как долго Тацци помолвлена и кто надел ей на палец это кольцо. Не знаю, почему на том месте, где у Дамиана было обручальное кольцо, теперь лишь незагорелая полоска. Не знаю, какая картинка скрывается в медальоне от Тиффани, который Нина никогда не снимает.

А они не знают меня. Если бы знали, то задумались бы, почему у меня распущены волосы.

Из всех только Аша действительно интересуется мной. Внутри у нее клубится соблазнительно черная энергия, го-

раздо темнее, чем ее карие глаза индианки или густые черные волосы. Такого облегающего платья я никогда не позволю себе носить на работу, но консервативный голубой блейзер делает его вполне приемлемым. И все же оно заставляет вас задуматься, что происходит, когда она покидает офис и снимает этот блейзер. Живет ли она другой жизнью?

Даже если я права, то не мне осуждать ее.

Теперь мистер Дейд смотрит на меня. Я чувствую это каждой клеточкой. Этот мужчина способен проникнуть в мой мозг с той же легкостью, что и в мое тело. Он медленно переводит взгляд на стол вице-президента, так похожий на тот, на котором я сидела около часа назад – сгорающая от желания, мокрая, его.

Я бессознательно скрещиваю руки на груди. Я в комнате, набитой незнакомцами; что бы они подумали, если бы узнали? Что бы подумали, если бы увидели? Стали бы они смотреть на меня так же, как смотрела Соня?

Образы скачут в моей голове, картинки меняются слишком быстро, чтобы я могла уловить или остановить их. Я вижу себя на этом столе в этом кабинете, полном моих коллег. Представляю, как они наблюдают, пока он раздевает меня; вижу, как их взгляды следят за полетом шелковой блузки на пол, первым предметом одежды, который он срывает с меня. Потом следуют все остальные, пока я не оказываюсь окутанной лишь в прохладный воздух и теплые прикосновения Роберта Дейда. Я слышу легкий шепоток, проносящийся по

комнате, когда Роберт исследует мое тело, открывает меня руками, губами... Я чувствую, как они придвигаются ближе, пока я отвечаю на каждый поцелуй, каждое прикосновение, каждую ласку. Они видят, как нарастает желание Роберта и он входит в меня. Волны удовольствия прокатываются по моему телу, потом по его; мы сотрясаемся в экстазе под охи и ахи. Я полностью выставлена на их обозрение. И в этот момент они понимают меня. Целиком и полностью. Не только как амбициозную бизнесвумен, консультирующую могущественного генерального директора, но и леди, которая не перепутает вилки на обеде в пятизвездочном ресторане. Теперь им известно, что та же женщина, которая может привести их к успеху и власти, которая способна принять любой профессиональный вызов, может впасть в восхитительный хаос, стоит правильному мужчине прикоснуться к ней в правильных местах...

Я стряхиваю с себя наваждение, пораженная своими безумными фантазиями и еще больше идеей, что человек, стоящий в другом конце кабинета, может быть тем самым правильным мужчиной. Я перевожу взгляд на него и вижу, что он смотрит на стол. Его глаза бегают, словно он спит наяву. Он тоже видит на столе то, чего там нет.

Это не только моя фантазия. Мы делим с ним одни и те же видения без единого слова и жеста.

Это человек, которого я встретила меньше недели назад: я знаю его лучше, чем Нину, Ашу, Дамиана или Таци. Я знаю,

чего он хочет.

Он хочет меня.

Он тихо вздыхает. Я единственная, кто замечает, как поднимается и опускается его грудь. Он лениво, вроде бы бесцельно пересекает комнату. Но мне-то виднее. На пути к окну он проходит мимо меня. В этот краткий миг нас разделяет лишь фут пространства. Это тайный намек, сигнал, повествующий мне о том, что он хочет быть рядом. Но меня удивляет другое – на его лице я вижу не только страсть, я вижу на нем отчаяние, решимость... может, даже смятение, сродни моему. Уилл, все еще отвечающий на вопросы моей команды, смотрит на Роберта, пока тот невидящим взглядом упирается в окно. И без того глубокие морщины на лбу Уилла становятся еще глубже. Это так не похоже на Роберта. Уилл явно что-то подозревает.

Ха, ты только что подумала о нем как о «Роберте», а не «мистере Дейде». Мой дьяволенок радуется нарастающей близости с человеком, который выпустил его из плена. Ангел лишь молча качает головой и думает о Дейве, мужчине, который покупает мне розы и рубины.

– Значит, ваш основной упор делается на оптимальное позиционирование, прежде чем вынести первоначальное публичное предложение? – Это Аша. Она смотрит на вице-президента, но я чувствую, что обращается она к Роберту.

– Время решает все, – спокойно отвечает Роберт. Он поворачивается от окна и улыбается Аше, но в его улыбке сквозит

грусть. – Нам нужно явить миру силу, а все слабости должны быть похоронены так глубоко, чтобы никто никогда до них не докопался. Мы не можем себе позволить, чтобы крупные инвесторы воспринимали нас иначе, чем мелкие. Это приведет к теориям об инсайдерских сделках и неэтичной практике. Нам надо, чтобы вся вселенная видела в нас гиганта.

– У каждой компании есть свои слабости, – возражает Аша. – Если вы будете казаться слишком хорошими, инвесторы не поверят в вас.

– Они поверят, потому что хотят, чтобы мы соответствовали мифам, ими же и сотворенным, – поясняет Роберт. – Наша работа – помочь им увидеть то, что они хотят видеть, и быть тем, кем они нас считают.

Я смотрю вниз, на блестящий деревянный пол под моими итальянскими туфлями. Да, я знаю Роберта Дейда лучше, чем кто бы то ни было в этой комнате. Я понимаю его, потому что – на каком-то уровне – я понимаю себя.

Глава 8

– Он интересный мужчина, – говорит Аша по пути к нашим автомобилям.

Все прочие припарковались на парковке Maned Wolf, а я оставила машину в нескольких кварталах отсюда. Не хотела, чтобы кто-то увидел, как рано я приехала. По неведомым мне причинам Аша припарковалась рядом со мной.

– В первой половине тура он так и горел энтузиазмом, – продолжила она, – а потом... что-то случилось в офисе.

Ветер подхватывает мои волосы, треплет их, холодит шею.

– Я не заметила, – говорю я.

Я уже вижу свою машину. И достаю ключи.

– Еще как заметила, – усмехается Аша, – а теперь отрицаешь это. Интересно, почему?

Я поворачиваюсь боком к ветру и смотрю на нее. Я не ожидала от нее подобной дерзости и раздумываю над тем, не разгорается ли конфликт. Но она не произносит больше ни слова, пока мы не подходим к моему авто, но и тогда лишь бодро прощается и идет к своей машине.

Аша начала работать в фирме всего за несколько недель до моего появления. Все эти годы я втайне восхищалась ее загадочностью. И только сейчас мне пришло в голову, что она может быть опасна.

Я сажусь в машину, вцепляюсь в руль и делаю глубокий

вдох, ожидая, пока мысли придут в норму. Глядя в зеркальце заднего вида, я трогаю пальцем веснушку, которую забыла затонировать сегодня утром. Когда я стала такой беспечной? Когда стала одной из пропащих?

О, на этот вопрос легко ответить. Я стала пропащей в отеле The Venetian Вегаса.

Если я хочу вернуться назад, надо пойти обратной дорогой. Найти тропинку, с которой я сошла, вновь открыть для себя радость быть верной одному мужчине. Если я сумею мысленно проделать этот путь, все безумства останутся позади.

В восемь у нас с Дейвом обед, но у меня еще целых три часа.

Я беру телефон и звоню Симоне.

Я попадаю к Симоне чуть позже пяти. Она машет мне рукой. На ее бежевой кушетке подушки с леопардовым принтом; на стенах в рамках черно-белые фотографии танцующих мужчин и женщин в чувственных позах.

– Будешь что-нибудь пить? – интересуется она. – Чаю? Воды с газом?

– Может, коктейль?

Она на мгновение замирает и смотрит в окно на задымленное голубое небо. Она знает, что я редко пью до заката. Этому правилу еще в молодости научила меня мать. «Выпивка для луны, – бывало, приговаривала она, наливая себе

вина. — Темнота скрывает наши мелкие грехи. Солнце, напротив, не любит прощать. Свет требует от нас целомудренной трезвости».

Но насколько целомудренной я была, попивая воду в приемной мистера Дейда и застегивая заново блузку? Сколько грехов я уже совершила при свете дня? Правила меняются, и мне нужен коктейль, чтобы привыкнуть к этому.

Симона исчезает в кухне и возвращается обратно с двумя стаканами — один для меня, другой для нее. Прозрачная жидкость невинна на взгляд, но гораздо лучше на вкус. Я делаю несколько глотков и опускаюсь на кушетку. Одна из леопардовых подушек прижимается к моей спине. Подруга усаживается на подлокотник возле меня.

— Ты всегда делишься со мной своими секретами, — говорю я.

— А ты со мной никогда, — легкомысленно отвечает Симона.

Это неправда. Однажды я рассказала Симоне о своей сестре. Повела о ее ослепительном блеске и энергии, пугающе колоссальной. Но Симона не знала, что это секрет. Для нее секретом было то, что никому не известно, а не то, что кто-то пытается забыть.

— У меня раньше не было никаких тайн, — вздыхаю я.

— Раньше. — Симона осторожно произносит это слово и, пытаясь осмыслить его значение, наматывает на указательный палец золотистый локон.

– Ты знаешь, секреты и тайны, они... дают. Я предпочитаю путешествовать налегке.

– И что за груз ты несешь, Кейси?

Я не отвечаю, и она меняет тактику:

– Когда у тебя появились секреты?

– В Вегасе, – шепчу я.

– Я знала! – Симона подается вперед и с победным стуком ставит стакан на журнальный столик. – Ты вернулась в номер совсем другой...

– Я же сказала тебе, что выпивала с мужчиной в баре со стеклянными стенами.

Симона отмахивается от моих слов, как он назойливых мух.

– Было еще что-то. – Она энергично встает, словно этим может ускорить мой рассказ. – Когда я оставила тебя за игровым столом, ты еще была той самой женщиной без секретов. А теперь?

– Теперь все иначе. – Я всматриваюсь в себя, пытаюсь обрести смелость. – Я предала его.

– Дейва?

– Да, Дейва. Он единственный мужчина, которого я могу предать.

Симона отводит левую ногу в сторону и поднимается на носок, подражая неподвижным фигурам танцоров на стенах.

– Было больше, чем просто поцелуй?

– Да, больше, чем просто поцелуй.

На ее губах зарождается улыбка.

– Ты переспала с незнакомцем.

Я упираюсь взглядом в пол.

– Ты сделала это! Всего на одну ночь ты стала молодой и беспечной!

– Нет, я стала безответственной.

Она выгибает дугой белокурую бровь:

– А есть разница?

Я соглашаюсь с ней. Действительно, разница невелика.

– Дело в том, что он больше не незнакомец.

Теперь обе милые бровки лезут на лоб.

– У тебя роман?

Я ежусь, мне не нравится это слово. Оно слишком затасканное и безобразное.

И прекрасно подходит к тому, что я вытворяла всю прошлую неделю.

– Он нанял меня консультантом для своей компании. Даже когда я не говорю с ним, он... – я перевожу взгляд на фотографии, – он танцует в моей голове. Я вытворяю такое, на что, как мне казалось, я вообще не способна. Думаю о вещах, о которых раньше не думала. Я больше не знаю, кто я.

– Все просто. – Симона садится рядом и берет мои руки в свои ладони. – Ты женщина с секретами... – она внимательно рассматривает мои глаза, губы, волосы, – и тебе это идет.

Я отстраняюсь:

– Это просто волосы, я их распустила.

– Нет, это тайна подсвечивает твои щеки и заставляет глаза блестеть... ты выглядишь... более человеческой.

– А раньше я не выглядела человеческой?

– Всегда прекрасна, но похожа на статую... Ты помнишь те статуи, которые мы видели во Флоренции во время нашей учебной поездки? Они были просто фантастические... но каким расчудесным ни был бы «Давид» Микеланджело, я не могу представить, что занимаюсь с ним любовью. Слишком твердый, слишком холодный, слишком... идеальный.

Я улыбаюсь своему стакану:

– Я никогда не была идеальной.

– Но все именно так тебя и воспринимают. Восхищаются, да... но теперь в тебе проглядывает человек, и, похоже, это может всколыхнуть в людях другие чувства... более теплые.

– Я спала с ним сегодня.

– У тебя или у него?

– В его кабинете... на его рабочем столе. – Я удивлена тем, что это признание заставляет меня улыбнуться.

– Заткнись.

Я смотрю на нее и краткий миг купаюсь в лучах ее зависти, позволяя себе чуть ли не мурлыкать от удовлетворения, порождаемого моей вновь обретенной храбростью.

– Ты занималась любовью на его рабочем столе, – повторяет она. – Фантастика какая-то!

Я качаю головой:

– В том-то и загвоздка, я проделала это, а *потом* еще и

фантазировала на этот счет.

– Но это лучше, чем фантазии, – поправляет меня Симона. – Теперь это стало воспоминанием, и ты можешь хранить его.

– Нет. В своих фантазиях я... прибавила кое-что.

Я проглатываю остатки обжигающего напитка и пересказываю ей то, что навоображала себе... как он берет меня на глазах у моих сослуживцев. Слова выговариваются с трудом, но я просто обязана поделиться всей этой сумятицей с человеком достаточно неординарных взглядов, чтобы он смог объяснить, что со мной происходит.

– Я представляла, как он занимается со мной сексом перед людьми, с которыми я работаю! – выпалила я в итоге. – Немного экстремально, тебе так не кажется?

Симона с минуту внимательно взирает на меня, потом откидывается на противоположный край кушетки. Она вытягивает ноги в мою сторону, и теперь похожа на римлянку, готовую к тому, чтобы красивые слуги кормили ее виноградом.

– Помнишь, когда я встречалась с Джаксом?

Я киваю. Перед моим внутренним взором возникает Джакс с волнистыми черными волосами и сверкающими карими глазищами.

– Пока я была с ним, я разработала эту фантазию...

– «Разработала фантазию», – повторяю я. Термин кажется настолько продуманным, словно она всеми ночами напролет

разрабатывала структуру своих снов наяву.

– Я до сих пор время от времени предаюсь ей. Я лежу на животе на его палубе в одном из шезлонгов, на мне только трусики от бикини. Я не слышу ни стука в дверь, ни шагов его друзей. – Ее голос меняется, становится ниже, глубже. – Он ведет их на палубу... Я встаю, прикрываясь ладонями, подхожу, жму им руки. Я провожаю их в гостиную, и они рассаживаются. Джакс просит меня дать каждому пива из мини-бара. Я наклоняюсь и достаю пиво из холодильника, пытаюсь открыть его, не показывая слишком много, но время от времени они видят лишнее. Я разливаю пиво по стаканам и теперь разношу его... почти голая.

– А потом?

– Джакс просит меня сесть рядом с ним. Он не хочет, чтобы я одевалась. Он хочет, чтобы я была с ним прямо сейчас. И я соглашаюсь. Он уже включил телевизор; это, как обычно, Лейкерсы...

По ее глазам я вижу, что она уже не со мной. Она рядом с Джексом... почти в чем мать родила.

– Его рука ложится мне на бедро, начинает гладить его... прямо на глазах у всех, и у меня по телу бегут мурашки. – Она вздрагивает, и внезапно мне становится стыдно. Я не должна подглядывать. Меня не приглашали в комнату, полную мужчин. – Джакс говорит друзьям, что я самая оргастическая женщина из всех, с кем ему приходилось бывать. Он говорит, что может заставить меня кончить от одного при-

косновения.

Я закрываю глаза и отворачиваюсь. Я больше не вижу Симону. Я не вижу Джакса. Я вижу Роберта Дейда, его руки поднимаются все выше и выше по внутренней стороне моих бедер.

– Он протягивает одному из них свой телефон, просит записать нас... он даже разрешает друзьям снять видео на свои телефоны, чтобы они могли посмотреть, как я кончаю, когда им этого захочется. Я буду у них в кармане, готовая доставить им удовольствие.

Я делаю судорожный вдох. Это не моя фантазия, но я понимаю ее. Я чувствую на себе камеры, чувствую их взгляды.

– Бикини держится лишь на крохотных ленточках, завязанных красивыми бантиками на бедрах. Он развязывает узелки, позволяет им увидеть меня, и потом, пока они смотрят и снимают меня, он начинает ласкать меня, двигает пальцем сначала медленно, потом все быстрее и быстрее... я больше не могу сдерживаться, я теряю над собой контроль. Я извиваюсь в кресле под их взглядами. Я чувствую, как один из его пальцев исследует мои глубины, а другая рука убирает мою руку от груди. А мужчины, они смотрят и смотрят, продолжают снимать, пока я поднимаюсь все выше и выше, на самую вершину...

Ее ногти скребут обивку кушетки. Я и без лишних взглядов знаю, что она полностью погрузилась в свои мечты. Да и я тоже.

– Один из мужчин подходит ближе, он видит все в мельчайших подробностях, они все видят, и я знаю, что это не должно мне нравиться, но мне это нравится. Я знаю, что Джакс поступает дурно, выставляя меня напоказ, лаская меня вот так на глазах у всех, но это знание лишь добавляет перца. И у всех на виду, перед всеми этими камерами, я кончаю... Они смотрят, и Джакс заставляет меня кончить... я кончаю в комнате, полной мужчин.

Мы с ней одновременно открываем глаза.

– Это просто фантазия, – мягко произносит она. – Я бы никогда так не поступила. Только не перед друзьями Джакса... и определенно не перед направленными на меня камерами... но в этом вся прелесть фантазий. Там нет правил, нет ограничений, нет последствий, нет осуждения. Только бесконечное удовольствие.

Я сижу несколько мгновений, смакуя идею, что нечто настолько скандальное может быть таким беспорочным, когда это лишь у тебя в голове.

– Я спала с Робертом наяву, и больше одного раза. – Я неохотно стряхиваю с себя невесомое наваждение, которым окутала нас Симона, и делаю шаг обратно в реальность. – Тут будут последствия.

– Да, – соглашается со мной Симона. – Но последствия бывают не только плохими, но и хорошими... даже когда поначалу они не кажутся таковыми.

– Я помолвлена с другим мужчиной.

Ее взгляд перемещается на мои руки:

– Кольца еще нет?

– Мы нашли одно... Дейв хочет проверить, не пойдет ли ювелир на уступки.

Улыбка Симоны гаснет, призрак недавнего наслаждения исчезает без следа.

– Сколько миллионов у Дейва в трастовом фонде? Четыре? И он зарабатывает на фирме... сто двадцать тысяч в год?

– Половина этого в первом случае, и почти в два раза больше во втором, – говорю я и поспешно добавляю: – Он очень консервативен в том, что касается денег. Мне это нравится. Он никогда не совершает необдуманных поступков.

Симона садится прямо, ее движения плавны, как у женщины, которая приближается к потенциально взрывоопасному объекту.

– Он когда-нибудь говорил тебе: «Выходи за меня замуж?»

– Это не столь важно...

– Может, и нет, но произносил ли он такие слова?

Мне не хочется отвечать на этот вопрос. Это представит Дейва в невыгодном свете, сделает бездушным, как та статуя, с которой сравнивала меня Симона. Но раз я пришла сюда за честным советом, то и сама должна отвечать честно.

– Он сказал... – начинаю я, спотыкаяюсь, потом выпаливаю конец фразы: – Он сказал, что мы должны пройтись по магазинам, подобрать кольцо.

Она снова кивает, в глазах никаких суждений, только задумчивость.

– Он говорил о дате свадьбы?

– Мы еще не зашли так далеко.

– Он рассказал своим родителям? Спросил у твоего отца дозволения?

– Наши родители еще ничего не знают... но они полагают, что однажды мы должны пожениться.

– Ты не помолвлена.

– Симона...

– Ни в каком смысле слова. – Теперь она говорит с напором. – Может, будешь помолвлена, но пока этого нет. Что-то толкнуло тебя в эти отношения. Может, тебя привлек этот парень Дейд, а *может*, ты просто боишься связать свою жизнь не с тем человеком.

– Мы с Дейвом вместе уже шесть лет. Как мы могли продержаться так долго, если не подходим друг другу?

– Может, все эти шесть лет он подходил тебе... но как насчет оставшихся шестидесяти? Твое подсознание пытается что-то тебе сказать... а твое тело желает изучить все варианты. Ты еще не помолвлена, Кейси. Разберись в себе с помощью этого мужчины из своих грез. Дай себе время на исследования. Если ты этого не сделаешь... если просто выйдешь замуж за Дейва, не рассмотрев другие альтернативы... ты закончишь разводом. Или хуже того, будешь сидеть на цепи в благообразном браке с человеком, от которого твое

подсознание пытается тебя оттолкнуть.

– Ты пытаешься найти оправдание непростительному.

– Если ты выйдешь за Дейва, если будешь улыбаться ему и скажешь, что он единственный мужчина, которого ты хочешь... если, глядя ему в глаза, заявишь, что ты уверена, если ты солжешь ему перед алтарем... будет ли *это* прости-тельно? Если он тебе небезразличен, подумай, разве он не заслуживает жены, которая уверена, что поступает правильно, отдавая ему руку и сердце?

– Но я лгу ему сейчас.

– Ты пытаешься убедиться, – говорит Симона между глотками коктейля. – Вы встречаетесь шесть лет, но вы не женаты, вы *не* помолвлены, и вы не живете вместе. Если когда-нибудь должно наступить подходящее время для исследований... просто чтобы убедиться... то оно настало. Это твой последний шанс.

Я знаю, что она не права. Это против моей этики. Но ее логика такая привлекательная, такая порочно освободительная. В этом вся суть порока; стоит предаться ему, и тебе больше не надо задумываться над тем, что хорошо, а что плохо. Ты можешь делать все, что пожелаешь.

Я вроде бы хотела сойти с этой скользкой тропы.

Вроде бы.

– А если я решу, что не желаю так поступать? – спрашиваю я, снова поднимая глаза к застывшим танцорам. – Если решу, что надо отпустить Роберта Дейда... Симона, как мне

сделать *это*?

Она вздыхает и опустошает стакан. Римская патриция исчезает без следа, передо мной квинтэссенция современной подруги, которая мне сейчас и нужна.

– Я не видела Джакса три года, – говорит она, – но порожденные им фантазии до сих пор со мной. Я храню их у себя под подушкой, в кармане, в бюстгальтере. Они всегда рядом, стоит протянуть руку. Ты можешь остаться с этим Робертом Дейдом или уйти от него. Но воспоминания и фантазии навеки пребудут с тобой... Есть дары, которые мы не можем выбросить... даже если пытаемся сделать это.

Глава 9

Атмосфера в Scarpetta легкая. Высокие потолки, нейтральные тона. Даже с наступлением темноты такое ощущение, будто ресторан залит мягким солнечным светом. Именно это мне и нужно сейчас, когда я сижу напротив Дейва. Он рассказывает мне о работе, о семье, о рубинах – в курсе ли я, что больше нельзя направить свои доходы прямым ходом в швейцарский банк, не уплатив американских налогов? Знаю ли я, что его мать только что приобрела новую кобылу цвета пятнистого серого неба? Известно ли мне, что рубины на самом деле гораздо дороже бриллиантов?

Разговор легкий, под стать этому залу. Он делится со мной кусочками своего мира среди дразнящих намеков на преданность, не подозревая о том, что часть своего мира я от него скрываю. Каждое слово произносится с привычной интимностью, которая рождается из доверия, и на краткий миг я забываю, что мне вообще-то нельзя доверять.

Но по мере того, как главное блюдо сменяет закуски, а после него появляются капучино и десерт, я понимаю, что сценическое искусство – изматывающее хобби. Как знаменитости постоянно выдерживают это? Как улыбаются своим коллегам-звездам и произносят слова с предписанными эмоциями, ни словом, ни жестом не выдавая своей истинной личности, человека, скрывающегося за ролью, за образом? От-

куда они черпают силы держать *эту* личность под покровом невидимости? Я насыпаю на капучино белую полоску сахара. Мы погружаемся в молчание. Так часто бывает. Раньше я любила такие моменты, когда ты тихонько сидишь со своим избранником, и вам не надо слов. Вам просто комфортно вместе. Но я больше не могу сидеть молча. Молчание – путь к моим темным мыслям, которым не место в этом светлом ресторане.

– Дейв. – Я шепчу его имя, боясь выдать себя. – Ты ведь не просто работаешь с людьми на фирме.

– Конечно нет, – подтверждает он.

– Другие адвокаты... или твои клиенты... они красивые?

Вопрос застаёт его врасплох. Он погружает чайную ложечку в нежнейший десерт панна котта, на гладкой поверхности появляется тонкая трещина.

– Я не обращаю внимания на подобные вещи.

Очень странный ответ. Чтобы увидеть красоту, не надо никакого особого внимания. Это как воздух в комнате, он просто есть, и ты дышишь им.

– Ты когда-нибудь испытывал соблазн?

– Нет. – Слово вылетает, как ядро из пушки, и чуть не бьет наповал.

Правда никогда не бывает такой поспешной. Обычно люди размышляют над правдой, прежде чем открыть ее. Мы думаем, как лучше выстроить фразу и рассматриваем ее со всех сторон в надежде выдать хорошую историю. Ложь сле-

тает с языка быстро и просто.

Нет. Это ложь, которую не следовало бы произносить. Мы все время от времени испытываем соблазн, так? Единственная причина солгать – это когда ты поддался искушению. Мне следовало знать. У меня внутри начинается какое-то нездоровое шевеление, ревность, которую я не имею права испытывать.

– Ну, может, всего один раз, – говорю я, проверяя, как далеко можно зайти в разговоре. – Может, ты в какой-то миг заметил, как мило волосы падают на женские плечи, или как твоя коллега облизывает верхнюю губку, и, может, у тебя появилось желание коснуться этих волос или губ...

– Я сказал – нет.

На этот раз ложь окрепла. Это уже не пушечное ядро, а крепостная стена. Я практически чувствую ее неподатливость и пытаюсь пробить ее.

– Я бы простила тебя, – продолжаю я свой нажим. Ревность растет, но она нравится мне, она показывает, что я на самом деле чувствую к Дейву. – Я хочу, чтобы ты... чтобы *мы* были более человечными. Не желаю, чтобы мы воспринимали друг друга как бездушные статуи.

Он отрывается от десерта и впервые смотрит мне в глаза с тех пор, как я подняла эту скользкую тему.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о шелковых нитях. – Я кладу руку на стол,двигаю ее на дюйм вперед, но он не делает попытки взять

мою ладонь. — Я говорю о едва заметных недостатках рубина, которые делают его уникальным. Я знаю, что ты не идеален. И я не идеальна. Я просто надеялась, что мы перестанем притворяться, будто мы безупречны.

— Я знаю, что ты не идеальна.

Это как пощечина — заявление о моем несовершенстве без признания своего. Но в его словах не чувствуется укола. Я воспринимаю их иначе — как нечаянный комплимент. И я вижу, что он пытается уйти от ответа.

— Я бы простила тебя, — повторяю я. — Даже если бы это был не просто искус. Даже если бы ты совершил ошибку.

— Я не совершаю ошибок подобного рода. — И вдруг он смягчается. Он накрывает своей рукой мою, легонько пожимает ее и отпускает. — Может, иногда я испытывал *небольшое* искушение. Но я никогда не поддавался импульсам. Я выше этого, Кейси. Ты ведь знаешь это, так?

Я краснею. На этот раз никакого оскорбления не предполагается, но мне обидно. Он выше этого... а значит, он лучше меня.

— Я хочу купить тебе кольцо, — продолжает он, так и не дождавшись от меня ответа. — Я хочу связать с тобой свою жизнь. Нет никаких соблазнов, которые стоят того, чтобы о них вспоминать, поверь.

Я провожу пальцем по краю чашки с капучино. Она чисто-белая, как скатерть на столе, как те розы, что подарил мне Дейв.

– Мне надо с тобой кое о чем поговорить, – начинаю я. И я действительно собираюсь сделать это. Собираюсь сказать слова, вынести свои грехи на яркий свет этого зала, где мы сможем как следует рассмотреть их.

– Мы хотим связать наши жизни, – повторяет он, но теперь в его голосе сквозит мольба. – Нам не обязательно рыться в наших недостатках. Ладно, может, наше прошлое – это рубин.

Я смотрю в его карие глаза и читаю в них молчаливый вопрос.

– Но это же прошлое. Нам не обязательно говорить о... как они там называются... шелковых нитях? В нашем будущем ничего подобного не предвидится. Наше будущее – это бриллиант чистой воды, ясное и незамутненное.

Нет у будущего никакой ясности. Никогда не бывает. В лучшем случае оно как новая кобыла его матери – цвета пятнистого серого неба. Но Дейв, как обычно, смотрит на мир через призму своих желаний. Он видит только то, что хочет видеть.

Но разве мы все не делаем то же самое? Мы выбираем себе религию, политику, философию и упаковываем вселенную в созданные нами рамки. Если какие-то явные факты не вписываются в нашу концепцию мироздания, мы просто игнорируем их или приписываем им несуществующие качества. Мы *сознательно* подгоняем их под шаблоны, даже если это означает, что мы должны изогнуть их под неестествен-

ным углом.

Дейв – мужчина с секретами. Не знаю, преследуют они его или нет, но он не желает вспоминать о них, а значит, быть может, – только быть может – мне не обязательно вспоминать о своих.

Я улыбаюсь и отправляю в рот ложечку панна котты. Он такой гладкий на языке, и вкус у него чистый, незамутненный.

Я начинаю понимать, почему столько людей помешано на простоте бриллиантов.

Глава 10

Утро. Визит в офис Роберта, фантазии с Симоной, странный обед с Дейвом – все это в зеркале заднего вида автомобиля. Запутанный клубок безумных впечатлений, которые я готова оставить позади. Сегодня другой день, и я уже тверже стою на ногах. Вчера я не была готова к тому, что обрушилось на меня... не была готова к своей реакции. Сегодня я готова ко всему... и теперь, когда я знаю, что это значит, я испытываю небольшое возбуждение.

Я мысленно просматриваю свой календарь. Аша должна сделать анализ последних иностранных инвестиций Maned Wolf, Нина и Дамиан разбираются во внутренних вкладах, а Тацци изучает эффективность маркетинговых и PR-кампаний. Люди боготворят Maned Wolf, но непонятно, доверяют ли они ей. Я должна сложить все кусочки в единую картину, дать Роберту Дейду список рекомендаций того, что нужно сделать, прежде чем открыться обществу, и обозначить пошаговые временные рамки. Конечно, это только рекомендации. Их ценность измеряется уровнем доверия Роберта ко мне.

Роберт Дейд не боготворит меня, но, полагаю, он доверяет мне.

Даже мысли о нем восхитительны. Две недели назад я не подозревала, каково это... когда тебя прижимают к стене, бе-

рут на рабочем столе, занимаются с тобой любовью на полу The Venetian. Два дня назад я не представляла себя в его офисе, на коленях...

Две недели назад — целую вечность, целую жизнь назад — я понятия не имела, что можно быть одновременно настолько уязвимой и настолько могущественной.

В душу пробирается чувство вины, притупляя удовольствие от воспоминаний. Ангел и дьявол снова воюют. Дьявол вставил мои воспоминания в рамку и протягивает их мне для изучения, прекрасно зная, что мне захочется потрогать, погладить их... и мужчину, который заставил меня пережить все это.

Но мой ангел... мой ангел кричит. Он хочет сжечь эти картинки.

Но разве сжигать на костре — не дело дьявола? Они явно поменялись ролями. Что делать женщине, когда ее ангел начинает пользоваться инструментами дьявола?

Что делать грешнику, когда дьявол просит лишь о том, чтобы правдиво взглянуть на свои поступки и свое отношение к ним?

Потому что правда заключается в том, что я ни о чем не жалею. Я только *хотела бы* пожалеть. Я не могу раскаяться в своих грехах. И получить отпущение.

Вчера Дейв солгал о том, что никогда не испытывал искушения. Что еще он скрывает? Освобождает ли меня его ложь от признаний?

Я изгоняю эту мысль из своей головы.

– Займусь-ка я лучше делом, – говорю я вслух. По крайней мере, в работе нет ничего греховного.

Я иду в спальню и открываю шкаф. Меня приветствует море темных юбок и брюк и светлых блузок. Мне становится скучно. Почему я никогда не покупала себе что-нибудь более яркое, более живое? Кто сказал, что я обязана одеваться, как библиотечарша в начальной школе?

Я раздраженно листаю наряд за нарядом, пока не натыкаюсь на костюм, который Симона подарила мне на день рождения в прошлом году. Она затащила меня в свой любимый бутик, засунула в примерочную кабинку и бросила туда пару серых брюк и блейзер в тон. Цвет был спокойным, но покрой – нет. Брюки гораздо сильнее облегли фигуру, чем я привыкла. Изгиб бедер, попка... все напоказ. Жакет сужался в талии, подчеркивая фигуру. Топ вообще ни в какие рамки не лез – черный, прозрачный, откровенный. Я поняла, насколько откровенный, только когда вышла, чтобы посмотретья в зеркало. Только жакет спасал от полной непристойности. Я вспомнила, что ощущала себя в нем властной, чувственной... даже немного опасной. Со склада вышел парень лет двадцати. Я видела, что он с трудом оторвал от меня взгляд. Ему хотелось смотреть еще и еще. Ему хотелось исследовать меня не только глазами.

На мгновение я почувствовала искушение снять жакет. Сможет ли он тогда отвести взгляд? Каково это: понимать,

что совершенно посторонний мужчина пялится на тебя вот так?

Теперь я знаю ответ на этот вопрос, не правда ли?

Я никогда больше не надевала этот костюм. Я сказала Симоне, что не смогу его носить, когда она протягивала кассирше свою кредитную карту.

Но сегодня я надену его.

Я нашла более подходящий черный шелковый топ. Вырез достаточно высокий, чтобы не наводить окружающих на постыдные мысли, но ткань соблазнительно ласкает кожу.

А потом я беру этот откровенный топ – тот, в котором никогда не покажусь на людях, – заворачиваю его в бумагу и кладу в портфель. Сама не знаю зачем. Просто хочу, чтобы он был рядом.

Я гляжу на женщину в зеркале: распущенные волосы спадают на плечи, властная, чувственная.

– Я хочу узнать тебя, – говорю я ей.

И она улыбается мне в ответ.

Взгляды в офисе немногим менее напряженные, чем почти позабытые взгляды Вегаса. Том Лав удивленно приподнимает бровь, когда я прохожу мимо него в коридоре, и дарит мне одобрительную улыбку.

– Сделай их всех, – мурлычет он.

Распоряжение возбуждает меня. Сегодня я готова поставить на колени весь мир.

Но когда я захожу в кабинет, меня ждет там не мир, а сообщение от секретаря Дейва с просьбой перезвонить ему. Дейв всегда звонит мне напрямую. Он никогда ничего не передает через секретаря, если только не хочет сообщить мне что-то, что может мне не понравиться.

Я набираю номер, стоя у своего рабочего стола. Я не собираюсь общаться с посредниками и звоню на сотовый.

– Кейси, у меня собрание через пять минут... – начинает Дейв, но я обрываю его:

– Тогда быстро скажи, что хотел.

Я не собиралась грубить ему, но в данный момент мне не до интонаций. Я вижу, как вдали маячит красный флаг, и готова к сражению.

Это *почти* возбуждает.

– Я сегодня разговаривал с той продавщицей... ну, у которой серебряные пряди в волосах, из ювелирного...

– С той, которая показывала нам рубин.

– Да. – Он помолчал в нерешительности. – Они не хотят скидывать цену.

Я ничего не говорю. Просто смотрю на свой палец. Мы вполне можем позволить себе рубин. Мы можем позволить себе заплатить за его недостатки.

– И я тут думал, – продолжает он, – я думал о тебе... и вспомнил чудесное кольцо в витрине магазина недалеко от моей работы, настоящая классика... Сегодня утром я заглянул туда прямо после открытия. Оно идеально, Кейси. Про-

сто идеально. Поэтому я оставил залог, чтобы они придержали его, пока ты не согласишься. Оно больше подходит *нам*, чем любое другое.

Мой палец впицается в ладонь, приглашая прочие пальцы присоединиться к нему и сжаться в кулак.

– Это бриллиант.

– Но бриллианты не трогают меня, Дейв, – обрываю я его. – Если мы не можем позволить себе тот рубин, есть другие...

– Поверь мне, Кейси, это кольцо с бриллиантом... оно не похоже на остальные. Я сказал, что это настоящая классика, так? Оно очень элeгантное, но в то же время оригинальное. Как ты.

Как я. Я смотрю на свой костюм. Узнает ли меня в нем Дейв? Он считает меня скрытым оружием в сумочке от Hérmes. Он думает, что я букет белых роз.

Он полагает, что я бриллиант, хотя я открыто заявила ему: я – рубин.

– Послушай, мне действительно пора на собрание. Я позвоню тебе вечером, хорошо? Мы встретимся завтра после работы, и я покажу тебе кольцо. На самом деле ты не хочешь рубин на помолвку. Поверь мне, ты будешь жалеть об этом.

Я вешаю трубку без лишних слов.

Он не знает меня.

Но сегодня утром... та женщина в зеркале, чувственная царица, незнакомка, которая спит с незнакомцами, женщи-

на, которая пугает и интригует меня... откуда Дейв может знать ее? Я сама ее не знаю.

Я провожу рукой по отвороту. Ткань не гладкая, но приятная на ощупь. Толстая и жестковатая, как на мужских костюмах, но покрой откровенно женский. Она напоминает мне курс философии в колледже. Профессор объяснял нам истинный смысл инь и ян. Инь и ян не противоположности, они дополняют друг друга: мужское и женское, активное и пассивное, видимое и невидимое, луна и солнце. Все это должно быть связано друг с другом в единое целое, чтобы быть частью подневольной и активной системы.

Я хихикаю при мысли о том, что мой костюм тоже может быть частью чего-то одновременно подневольного и активного.

Но смех покидает меня, когда я начинаю думать о себе в тех же терминах. Те ранние философы даосизма, они не считали темное начало плохим, а светлое хорошим. Это вообще не имеет никакого отношения к морали. Они просто воспринимали это как две неотъемлемые составляющие целого.

Интересно, каково это: по-настоящему ощущать целостность? Не это ли со мной происходит?

Потому что вины я не испытываю, а вот гораздо сильнее стала.

Ну и ладно тогда.

Я приглашаю свою команду к себе в кабинет, собираю

полученную информацию, объясняю, в каком направлении двигаться дальше, а что можно вовсе отбросить. Они делают заметки, впитывают мои слова, воспринимают мои инструкции без агрессии. Только Аша колеблется, ее собственные расчеты мешают ей трезво взглянуть на мои. По крайней мере, так мне кажется. Она слишком внимательно изучает меня, ходит вокруг да около. От нее определенно исходит угроза. Теперь я в этом абсолютно уверена.

Но ей и самой грозит опасность. Она не знает, с кем имеет дело. Я чувственная, я властная. Меня ласкал незнакомец.

И только далеко за полдень я вспоминаю, что не такой женщиной я должна быть. Не такую картинку я рисовала, когда вчера вечером желала Дейву спокойной ночи и целовала его на прощание.

И сегодня я не разговаривала с Робертом. Мы даже электронным письмом не перебросились, и все же он со мной, во мне, руководит моими поступками, строит трамплин для новых соблазнов.

Я не разговаривала сегодня с Робертом, но это не имеет никакого значения.

Мой дьявол побеждает.

Глава 11

Я работаю допоздна, что для меня вполне обычно. Я осталась последней. Даже Том Лав ушел около часа назад. Но меня распирает энергия. Виной всему костюм... или секс. Я смеюсь над собой. Да, конечно же секс, а не костюм.

По моему столу разбросаны факты, статистика, цифры. Я пользуюсь ими, как строительным материалом для осуществления профессиональных мечтаний Роберта.

И если я преуспею, что тогда? Что, если мне удастся проложить тропинку для полного доминирования Maned Wolf на рынке? Что, если я преподнесу Роберту карту сокровищ на блюдечке с голубой каемочкой? Удивится ли он? Начнет ли боготворить меня?

Но я хочу не этого. Мне нравится то, какой Роберт видит меня сейчас. Его обожание не отделено от реальности. Наше влечение чуть ли не грубое... и в то же время наши занятия любовью не имеют ничего общего со страданием или печалью.

Мне всего лишь хочется, чтобы он поблагодарил меня, глазами, губами, языком. Мне хочется, чтобы он опустился на колени, но не для того, чтобы молиться на меня, а чтобы угодить мне.

На этой самой мысли раздается звонок телефона.

Это он. Как обычно, время он выбирает весьма... подхо-

дящее.

– Где ты? – спрашивает он.

– На работе, играю с цифрами... для тебя.

– Сомневаюсь, что тобой движут чисто альтруистические мотивы. – Связь неустойчивая, и его голос дрожит. Он настолько объемлен, что мне кажется, будто я могу потрогать его.

– Нет, – признаю я, – я получаю от этого удовольствие.

– Нет ничего более зрелищного, чем представлять тебя в минуту удовольствия.

– Ну, ну, мистер Дейд, не является ли это попыткой сексуального домогательства?

Возникает пауза. Я знаю, о чем он думает. Он не ожидал от меня подобной игривости. Я ведь сказала ему, что больше никогда не позволю коснуться меня.

Но я рубин. Не бриллиант. Я больше ни в чем не уверена, и осознание... приятие этой неопределенности наполняет меня триумфом.

А триумф делает меня игривой.

– На сегодня работа закончена. – Это не вопрос.

– Правда?

– Встречаемся у входа.

Связь обрывается.

Я без колебаний складываю испещренные цифрами бумаги в стопку. Можно было бы и поаккуратнее, но немного беспорядка не повредит.

Я снимаю пиджак и открываю портфель. Внутри меня ждет бессовестный топ. Я снимаю блузку, бюстгальтер и надеваю этот кусочек прозрачной ткани.

Сердце громко стучит в груди, когда я вновь надеваю пиджак. На этот раз никакого притворства. Я знаю, что собираюсь сделать. И не знаю, в последний раз или нет. Мне все равно. Мое тело жаждет исследований, и я не собираюсь ему отказывать.

Я спускаюсь вниз, выхожу на улицу, и через несколько минут передо мной тормозит Роберт Дейд в серебристом «альфа-ромео-спайдер». Его обтекаемые формы и элегантная мощь идеально гармонируют с моим настроением. Роберт молча обходит машину и открывает передо мной дверцу. И только когда я оказываюсь на пассажирском сиденье, он говорит:

– Мне нравится твой пиджак.

Я сто лет не сидела в спортивном авто, а в таком вообще никогда. Сиденье обнимает меня, словно любовник, но в то же время поддерживает в прямом положении, готовой к приключениям, навстречу которым несется это чудо техники. Все в серебристо-черных тонах. Этому дивному зверю не требуются яркие цвета, чтобы быть в центре внимания.

Роберт Дейд занимает свое место.

– Куда едем? – спрашиваю я.

Роберт поворачивается ко мне, ключ в замке зажигания, рука на обтянутом кожей руле, мотор урчит.

– Ко мне.

Я отвечаю улыбкой, перевожу взгляд на дорогу, и мы срываемся с места.

Я никогда не спрашивала, где живет Роберт. Думала, на Голливудских холмах, в Санта-Монике, может, в одном из особняков на Беверли-Хиллз. Но он обитает в Западном Голливуде, на холме, над мирской суетой Сансет, на извилистой улочке, куда никому не придет в голову отправиться, если у него нет там знакомых. Дома впечатляют, но не потрясают воображение. Но темнота скрывает некоторые элементы дизайна, поэтому трудно судить наверняка.

Кроме того, они вряд ли смогли бы завладеть моим вниманием, даже если бы были выложенными из золота пятиэтажками. Эта честь принадлежит исключительно сидящему рядом со мной мужчине. Он всю дорогу ведет авто в спортивном стиле, время от времени нажимая на педали, чтобы полностью контролировать движение. Его мысли летят быстрее автомобиля, я это чувствую. Он хочет меня прямо здесь и сейчас, но не потакает своему желанию. Это ощущается в том, что он старается не смотреть в мою сторону, словно боится спугнуть меня взглядом. И в том, что он молчит, словно одно неверное слово может пробудить меня и напомнить мне о данном обещании.

Но я не передумываю, и, когда он кнопкой открывает автоматические ворота, я наклоняюсь к нему, кладу руку на бедро и позволяю ей скользнуть выше, давая ему знать о мо-

их намерениях, моих желаниях, моем стремлении идти до конца.

Он выпускает воздух через стиснутые зубы, явно сдерживаясь, чтобы не взять меня прямо тут, на улице, до того, как у нас будет шанс заехать на недлинную подъездную дорожку.

Как и машина, он подавляет свою силу и аккуратно подруливает к гаражу, ожидающему нас с распахнутыми воротами.

Другой машины тут нет, только мотоцикл. Он не такой шикарный, как «спайдер». Никаких хромированных деталей или ненужных дополнений. Сиденье видело лучшие времена. На шины налипла грязь.

Мне он нравится. Мне нравится, что у этого мужчины с изысканным автомобилем такой по-мужски простой и старенький мотоцикл. Я снова смотрю на руки Роберта: красивые, грубые, сильные, но в то же время нежные.

Инь и ян. И когда он берет мое лицо в свои ладони, удерживая меня, когда наши взгляды скрещиваются, а моя рука выдает еще одну примитивную реакцию, я ощущаю нашу целостность.

– Я нечасто приглашаю сюда людей, – говорит он. – Я не устраиваю вечеринок. Но с самого Вегаса мне хотелось привести тебя к себе.

– Почему? – спрашиваю я. – Ты имел меня в номере отеля, в своем офисе, на экране компьютера... зачем я тебе здесь?

– Затем, – говорит он и делает паузу в поисках ответа. –

Я был в твоих стенах, и это единственный известный мне способ сделать так, чтобы ты побывала в моих.

Я не знаю, как реагировать, поэтому просто жду поцелуя. Он начинается мягко, но быстро становится более требовательным – его язык скользит к моему языку. Он держит мою голову, а я вжимаюсь грудью в его грудь, стараясь стать еще ближе. Моя рука играет с ним. Мне не терпится. Я хочу его, всего без остатка, прямо сейчас. Его плоть вздымается, и я задаюсь вопросом, занимался ли кто-нибудь когда-нибудь любовью в «альфа-ромео».

Но Роберт отстраняется от меня. Он убирает мою руку, делает глубокий вдох, успокаиваясь, и вновь обретает контроль над телом.

Ну, хотя бы отчасти. Его тело, как и мое, рвется исследовать.

Он вылезает из машины, и я жду, когда он обойдет ее и откроет мне дверцу. По пути к дому мы снова погружаемся в молчание. Здание не представляет собой ничего особенного. Я вижу только стену и дверь, которая ведет... может, на маленький закрытый дворик? А может, и нет.

Но когда он открывает ее, меня приветствует сказочный мир. За этой стеной прячется целый город. Восхитительная картина с видом на длинные пляжи Санта-Моники. Кажется, что мы стоим на вершине холма, в тысяче миль от ярких огней раскинувшегося внизу огромного города. Но до него конечно же не так далеко. Мы всего в двух минутах езды от

Сансет, где рестораны быстрого питания дополняют стратегически выгодно расположенные ночные клубы.

Я чувствую, как его пальцы гладят мою шею, посылая нервным волокнам горячие импульсы. Дом находится справа. Он встроен в склон холма, поэтому буквально невидим со стороны улицы. Его поддерживают балки, хрупкие на вид, но негибаемые, как греческие боги.

Я позволяю ему провести себя через главный вход; внутри вместо стен окна, и я пытаюсь представить себе, как тут все выглядит при свете дня: яркое солнце на темном дереве. Но сейчас единственный свет исходит от города. Он нащупывает диммер и прибавляет света, чтобы я могла рассмотреть интерьер. Небезупречно, но уютно. На стенах абстрактные полотна.

Одна из картин приковывает мое внимание. Не могу сказать, изображает ли она любовников и вообще человеческие ли на ней тела. Но она полыхает страстью. Два существа обнимаются, а какая-то непонятная масса из закрученных цветов пытается оторвать их друг от друга. Но они сильнее хаоса; их страсть ярче, чем окружающие цвета.

Роберт подходит, прижимается ко мне. Я чувствую его силу; я чувствую, как его вожеление вжимается мне в спину.

Я гляжу на картину, пока он расстегивает мой пиджак. Мощь полотна заключена в двух обнимающихся фигурах. Только это имеет значение.

Остальное ничто.

Мой пиджак падает на пол.

Он медленно поворачивает меня к себе и окидывает взглядом. Мои соски напряжены и торчат сквозь тонкую, облегающую ткань топа. Он проводит пальцами по краю грудей.

– Ты восхитительна, – говорит он.

Я сбрасываю туфли на каблуке. Теперь мне приходится запрокидывать голову, чтобы посмотреть ему в глаза, но я не против. Моя рука тянется к пуговице моих же брюк, и я легко избавляюсь от них. Я остаюсь в одном скандальном топе.

– Посмотри на меня, – спокойно произношу я.

Он делает шаг назад, его глаза отправляются в неторопливое путешествие по моим ножкам к трусикам, ненадолго задерживаются на груди, поднимаются дальше, к шее, губам, глазам, и пускаются в обратный путь.

– Ты видишь, кто я на самом деле? Или видишь только то, что хочешь видеть?

Он заглядывает мне прямо в душу, на лице отражается понимание.

– Я вижу женщину, которая может быть невероятно авторитарной, и женщину очень уязвимую. Я вижу, что ты настолько же сильна, насколько нежна, поразительна и немного наивна.

– Что еще?

– Я вижу... я вижу, что у тебя есть смелость противосто-

ять своим страхам. А сейчас ты немного напугана, не правда ли?

Я едва заметно киваю.

– Чего ты боишься, Кейси?

Я дрожу, хотя на губах играет улыбка.

– Ты скажи мне.

– Ладно. – Он отходит назад и еще раз ласкает мое тело взглядом. – Ты боишься той стороны самой себя, которая начала проявляться.

– Отчасти.

– Ты боишься того, как сильно ты меня хочешь. Может, ты боишься, потому что сейчас я могу сделать с тобой все, что пожелаю, а ты не сможешь возразить, поскольку знаешь: ты хочешь, чтобы произошло все, что я могу сделать.

Я сглатываю, с трудом. Но не отвожу глаз. Он подходит, пробегает рукой по внутренней стороне моего бедра и сжимает ладонь на трусиках. Между его пальцами и моим клитором только тонюсенькая тряпочка. Этот танец уже знаком мне, но я все равно задыхаюсь, когда его пальцы начинают двигаться.

– Я вижу, кто ты, Кейси, – говорит он. – И я хочу видеть только это.

Ноги становятся ватными, я хватаю его за рубашку – и от страсти, и чтобы не потерять равновесие.

– Отведи меня в свою спальню, – шепчу я, дрожа всем телом. – Я хочу заняться любовью на твоей огненной кровати.

Он убирает руку и через мгновение уже несет меня вниз по лестнице, словно принцессу. Комната, в которой мы оказываемся, огромна, размером вряд ли уступает гостиной наверху. Я вижу письменный стол с компьютером. И дорожное кресло.

А в самом центре возвышается кровать, и он укладывает меня на нее. Я чувствую ее своей кожей, когда он стягивает с меня трусики. Но когда он снимает рубашку, джинсы и все остальное... тогда все мои чувства переключаются на него... на мощь его мускулов, вжимающихся в меня. На его губы, ласкающие мою шею. Я сбрасываю облегающий топ. Каждый дюйм моей кожи должен касаться его. Огонь полыхает не на кровати, а у меня внутри. Рука тянется к его вздыбленному естеству, и я ощущаю свою власть над ним. Теперь мне знаком каждый его изгиб. Я знаю, как сделать так, чтобы довести его до безумия, и я играю с ним, наслаждаясь каждым резким вдохом удовольствия, вырывающимся у него из груди. Но я не возражаю, когда он отстраняется и прижимается губами к моему сокровенному местечку. Его язык погружается в меня, дразнит, заставляет намокнуть еще больше. Я не могу унять дрожь, не могу молчать. Я начинаю стонать и кричать, выгибаясь дугой, вцепляясь руками в одеяло, практически готовая вырваться, почти напуганная силой захлестнувших меня чувств. Но он не позволяет мне сделать этого, крепко удерживая мои бедра, не отпускает, играя большим пальцем с клитором, отодвигая в сторону кожу, чтобы иметь

возможность добраться языком до самого потаенного уголка, вынуждая меня пережить эмоции, которых я боюсь и которых жажду.

Сильнейший оргазм сотрясает мое тело. Мне кажется, что меня сейчас разорвет на кусочки. Я полностью теряю контроль над собой. Да он мне и не нужен. Незнакомые, первобытные звуки слетают с моих губ. У меня нет сил противиться, когда он нависает надо мной и долго смотрит на мое обнаженное дрожащее тело, прежде чем поцеловать меня, смешав его вкус с моим. Я чувствую, как его копье упирается в меня, но не входит внутрь. Он дразнит меня, доводя до безумия. Я извиваюсь, пытаюсь дотянуться до него, заставить его опуститься, но он крепко держит меня за руки. Он заставляет меня ждать, и это ожидание, желание, похоть, нетерпение... все это поднимает меня на недостижимые прежде высоты.

– Прошу тебя, – говорю я, выгибаясь дугой, стараясь прикоснуться грудью к его груди. – Пожалуйста.

– Ты единственная известная мне женщина, которая одинаково сексуальна, берет ли она что-то силой или молит о том, чтобы ей это дали.

Я не могу вступать в дискуссию. Не могу ответить на его странный комплимент. Я могу лишь слушать свое тело. Меня пожирает пламя.

– Прошу тебя, – умоляю я снова. – Ты нужен мне.

Теперь уже он стонет и рывком входит в меня. Я кричу, не

в силах почувствовать ничего, кроме того, что он дает мне. Каждое движение приносит новые ощущения. Он отпускает мои руки, и они начинают гладить его спину, обвивают шею, вцепляются в волосы и возвращаются к его ягодицам.

И он может делать со мной все, что пожелает, потому что я хочу, чтобы его желания осуществились.

И по мере того, как он проникает все глубже и глубже, меня настигает очередной оргазм. На этот раз он кончает вместе со мной. Наши крики сливаются в первобытном дуэте.

И когда он расслабляется и всем весом опускается на меня, я думаю об инь и ян.

И в этот момент ощущаю неподдельную целостность.

Глава 12

Проходит десять, пятнадцать, может быть, двадцать минут. Или лет? Трудно сказать. Я полностью утратила чувство пространства и времени. Реальность осталась где-то в офисе. Это мгновение в постели Роберта не принадлежит пространственно-временному континууму. Он рядом со мной, веки полуприкрыты, взгляд устремлен в никуда. Только теперь наше дыхание начинает постепенно выравниваться. Он кажется мягким, даже мирным, ничего общего с мужчиной, который удерживал меня и входил в меня с неистовой, неудержимой страстью, обуревавшей и мою плоть. Нет, лежащий рядом со мной мужчина тих, нежен и, может статься, немного раним.

Я ласково глажу его грудь. Это жест близости иного рода. На его губах появляется ленивая улыбка, глаза по-прежнему смотрят в потолок.

– Я умираю, хочу покурить, – говорит он.

Этот комментарий застает меня врасплох.

– Ты куришь?

– Курил когда-то давно. Сто лет уже о сигаретах не думал, но... сигарета после секса успокаивает, возвращает обратно на землю, а после *такого* не знаю, сумею ли я найти обратный путь без навигатора.

– Ненавижу сигареты. Ненавижу, когда их мерзкий запах

въедается в волосы и одежду людей. Мой первый любовник был заядлым курильщиком. Никогда больше не буду встречаться с курящим мужчиной.

— Черт, ну ладно, — соглашается он, в глазах вновь появляются задорные искорки. — А как насчет сигар?

Я беру подушку и бью его по голове. Он хохочет и пытается увернуться, но я сажусь на него верхом и долблю его, пока он не просит пощады. В итоге я отбрасываю подушку и ухмыляюсь. Его волосы взъерошены, и он выглядит очень молодо, несмотря на седину... почти невинно.

Он тоже смотрит на меня, пожирает взглядом.

— Ты такая свободная сейчас. Ты прекрасна, когда свободна.

У меня сжимается сердце. Я не свободна. Пока нет. Я еще официально не порвала с Дейвом.

Но мне не хочется думать об этом сейчас. Мне хочется думать об этом мужчине с растрепанными волосами и ленивой улыбкой, на котором я восседаю.

Я наклоняюсь и целую его в губы.

— Вот видишь, если бы ты курил, то не получил бы этого.

— Это лучшая антитабачная кампания в моей жизни, — отвечает он.

— Ну, Американское онкологическое общество строит свою политику на страхе и запугивании. А я... — Я наклоняюсь и снова дарю ему поцелуй, на этот раз чуть более длинный, чуть более интимный. — Я верю в пряник, а не в кнут.

Руки Роберта ложатся на мою талию, а я продолжаю целовать его в губы, в подбородок, в шею. Наши тела еще не остыли от прошлого занятия любовью, а у него уже вновь возникает эрекция, когда мои поцелуи начинают опускаться ниже.

То, что я чувствую... это чувство мне незнакомо – беззаботность, игривость, легкость... я чувствую себя легкой.

Боже, ощущала ли я когда-нибудь в своей жизни такую легкость?

Мои губы добираются до его бедер, и его руки впиваются в мои волосы, он замирает в ожидании.

Он сказал, что видит, кто я. Сказал, что только это он и хочет видеть.

Я позволяю языку коснуться вершины его копья. Его дыхание уже неровное, рваное.

Да, Роберт Дейд действительно заставляет меня почувствовать себя сильной, уязвимой, легкой... и временами напуганной.

Но сейчас я не боюсь.

Мой язык спускается вниз по его плоти, поднимается вверх. Глядя на это чудо, я поражаюсь, как оно могло поместиться во мне, не вызывая ни малейшего дискомфорта.

Но с другой стороны, с Робертом я вообще не испытываю боли. Даже когда он хватает меня за руки, тянет за волосы, прижимает к стене, даже когда говорит то, что я не готова услышать, мне не больно.

Я беру его полностью в рот, пальцы обхватывают основание копья, а вторая рука ласкает нежную плоть позади него. Он стонет, когда я двигаюсь вверх-вниз, вкушаю его, знакомлюсь с ним ближе.

Я не вижу в этом ничего неправильного. Никаких неприятных ощущений, никаких внутренних конфликтов. Удовольствие не оставляет места для сожалений.

Мне нравится его вкус; мне нравится то, что я могу с ним сделать. Я чувствую его дрожь на своем языке. Роберт наклоняется вперед, поднимает меня, но я останавливаю его.

– Нет, нет, мистер Дейд, теперь мой черед. Я устанавливаю правила.

– Да? – выдыхает он, довольно улыбаясь.

– М-м-м, да. Итак, хотите ли вы вновь заняться со мной сексом?

– Господи, да.

– Правда? Очень забавно, потому что мне кажется, что я не слышала волшебного слова.

Его улыбка становится шире, грудь тяжело вздымается.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста? – повторяю я. Я снова сажусь на него верхом в чем мать родила, упираюсь ладонями в мускулистую грудь. – Я ждала «абракадабра», но и «пожалуйста» тоже сойдет.

И пока он смеется, я опускаюсь на него.

Смех прерывается, улыбка остается. Я скачу на нем то

быстрее, то медленнее, голова запрокинута, его ладони на моей талии, глаза на моем теле, улыбка не сходит с губ, пока страсть не стирает ее.

Но внутри я продолжаю улыбаться.

И без слов знаю, что он тоже.

Он хочет, чтобы я осталась, но я не готова к этому. Слишком много незаконченных дел. Долгие годы мне нравилось быть в отношениях. Мне нравились правила, я ценила ограничения. Но теперь меня обуревают мысли о свободе. Я знаю, что должна закончить дела с Дейвом, но не готова стать кем-то для Роберта официально. Я хочу постепенно войти в новые отношения, как входят в холодную воду. Сначала помочить ножки, погрузиться до талии, подождать, пока вода перестанет обжигать кожу, и потом уже нырнуть с головой.

Я трогаю воду ногой, но нырнуть пока не готова.

Я одеваюсь под его взглядом. Он хочет прижать меня к себе, но неохотно надевает джинсы и майку. Я достаточно долго не смотрю на него, чтобы успеть заметить еще несколько деталей интерьера. Вот то самое антикварное кресло, в котором он сидел, глядя на то, как я распахиваю для него халатик в милях отсюда.

Мой взгляд перемещается к окнам от пола до потолка. Лос-Анджелес всегда красивее ночью. Такое чувство, что звезды упали с неба и наполнили улицы своим неземным светом. Я искоса смотрю на Роберта.

– Ты всегда так жил?

– Как – так?

– Ну-у, в достатке, в гедонистической роскоши. Ты всегда водил автомобили стоимостью больше, чем ВВП какой-нибудь из стран третьего мира.

Он смеется и качает головой. Мой взгляд движется дальше; на этот раз мое внимание привлекает фотография. Рамка немного выбивается из общего стиля, грубоватая, из простого дерева. Я беру ее и вижу женщину латинского происхождения... из Мексики, Аргентины, может, Бразилии... не могу точно сказать. Ее можно назвать красивой. У нее густые черные волосы и строение лица, которое мечтает воспроизвести любой пластический хирург. Но даже на этом старом фото – ему не меньше двадцати лет – видны черные круги под глазами. Плечи немного опущены, а мужчина с кожей цвета ванильного мороженого пытается поддержать ее, но по всему видно, что он тоже устал. Кожа у него собирается в складки, когда он пытается смотреть в камеру. Улыбка настолько вымученная, что кажется, будто ему тяжело даже сказать «сыр» и растянуть губы.

– Мои родители, – поясняет Роберт у меня за спиной.

– Похоже, они любят друг друга, – говорю я, возвращая рамку на место.

– Так оно и было.

Я чувствую, как он напрягся.

– Мне очень жаль.

– Все в порядке, – вздыхает он, прислонившись к комо-
ду. – Это случилось давно.

– Могу я спросить, отчего они умерли?

– О, от разных вещей. – В его голосе внезапно появляются нотки усталости, как в улыбке отца. – Но по большей части от неоправданного доверия и разочарования. Разочарование в непомерных дозах способно убить.

Я не знаю, как продолжить этот разговор, поэтому жду, не скажет ли он чего-нибудь еще. Но он молчит, и я просто киваю, отворачиваюсь от фотографии и пытаюсь найти свои туфли. Одна обнаруживается у кровати, вторая отлетела к противоположной стене комнаты.

– Как насчет тебя? – спрашивает он, пока я застегиваю ремешки на лодыжке. – Твои родители еще живы?

– Живы и здоровы, – говорю я, прочесывая комнату взглядом в поисках сумочки.

– Братья или сестры есть?

Я делаю вид, что не расслышала вопроса.

– Я не могу найти сумочку. Я ведь взяла ее сюда?

Роберт с минуту смотрит на меня. Он догадался, что я нарочно сменила тему, но понимает, что сейчас неподходящий момент для того, чтобы настаивать на ответе. В конце концов, сегодня я и так достаточно рисковала. Я слишком далеко вышла из зоны своего комфорта, словно внезапно перенеслась в Мозамбик.

А я туда совсем не собиралась. Я не знаю языка и законов,

мне неизвестно, какая валюта тут в ходу... но – боже – какая же тут красотища!

Глава 13

Следующий день пролетает стрелой. Я едва улавливаю, как мелькают часы, минуты, секунды. Члены моей команды изливают на меня свои исследования, доклады, идеи, тревоги, замечания – чтобы я свила все это в единый узор презентации. Задача не из легких, и в других обстоятельствах у меня непременно начался бы стресс. Но не начинается. Меня невозможно затронуть. Вся эта круговерть как назойливое жужжание мухи. Как водоворот красок на картине Роберта, а я любовница, очень сильная, меня не вывести из равновесия. Я изучаю прибыли от европейских операций *Maned Wolf* – и чувствую его легкий поцелуй на своей шее. Я штудирую проекты отделов насчет киберпространства – и чувствую, как он прижимает мои руки к матрасу у меня над головой, я читаю планы по новым продуктам и улавливаю аромат его кожи, слышу его дыхание, ощущаю его присутствие.

Я одержима.

И когда Барбара сообщает по интеркому, что звонит Дейв, я чуть ли не отказываюсь от разговора. В мозгу тут же рождается тысяча отговорок. Я на собрании, вышла перекусить, говорю по другой линии... или, может, просто не хочу иметь дело с болью, которую собираюсь причинить ему.

– Привет, как ты? – произносит он извиняющимся тоном.

Три простых коротких слова, но они открывают крохот-

ную дверку в моем сердце и выпускают наружу чувство вины.

– Я немного занята, – неопределенно заявляю я, надеясь, что он сам отсоединится.

– Извини, я не хотел отвлекать тебя. Но послушай, я знаю, что ты на меня злишься... ну, нам бы обговорить этот вопрос. Как насчет сегодня? В Ma Poulette?

– Думаю, мне придется задержаться допоздна. – Если бы я только могла убедить его, что не стоит тратить на меня время. Как можно заставить мужчину отказаться от тебя после шести лет преданности?

Трусость захлестывает меня с головой.

– Пожалуйста, Кейси... просто... мне и вправду надо увидеться с тобой сегодня вечером. Ты знаешь этот ресторан, так? Ну, этот, новый, в Санта-Монике? Я заеду за тобой в семь тридцать?

Каждая фраза – вопрос. Он старается убрать с нашей дороги все камни и прикатать ее.

Я колеблюсь, туманные мысли тучами кружатся в голове. Я больше не иду по дороге, которую Дейв пытается расчистить. Под моими ногами предательский гравий. От него исходит ощущение неустойчивости, непостоянства. И если по пути я упаду и поранюсь, не знаю, будет ли кто-нибудь рядом, чтобы вывести меня обратно к шоссе. Однако я выбираю именно этот вариант. Я уверена, что поступаю правильно, но даже себе не могу объяснить почему, как же я могу донести это до Дейва?

Да и надо ли?

Трусость обладает собственной силой, в которую никак не вписывается охватившая меня эйфория. Ясно одно: я кое-чем обязана этому мужчине. По крайней мере, ужином.

– Я встречусь с тобой в семь тридцать, – говорю я.

Возможно, к тому времени я вновь стану храброй...

Господи, помоги мне!

День утратил сюрреалистические краски. Я вдруг погружаюсь в него, становлюсь нетерпеливой, критичной, торопливой, как секундная стрелка часов, которая все время стремится оказаться в другом месте. После марафона собраний Барбара сообщает, что звонила Симона; сказала, что это очень важно. Но зачастую Симона считает важной какую-нибудь распродажу в «Бебе». Кроме того, у меня нет времени ей перезванивать. Я лечу домой и готовлюсь разбить сердце мужчине.

В 19:30 я распахиваю перед Дейвом дверь в белом платье до колен, без рукавов, но с не слишком глубоким вырезом. Оно прекрасно подошло бы жене политика. Волосы забраны вверх, в ушах жемчужные серьги.

– Ты идеальна, – говорит Дейв, предлагая мне руку.

Опять это слово. Я уже начинаю ненавидеть его.

Но я не признаюсь в этом, молча ожидая, пока он откроет передо мной дверцу «мерседеса». Хорошая машина, статусная, говорит о богатстве и комфорте. Но я вспоми-

наю вспышку адреналина в «альфа-ромео» Роберта, трепет и возбуждение у меня в крови, когда он несясь сквозь темную ночь Лос-Анджелеса.

Долго ли длится подобный трепет? И хочу ли я испытать его вновь?

Не над этими вопросами мне надо сейчас думать. Я должна сказать Дейву правду. Может, за ужином, или перед ним, или после – может, в машине по пути домой. Что предписывает этикет в случае предательства?

Вина поедом ест мое сердце. Она пожирает остатки вчерашнего счастья.

Шаг за шагом. Вот и все. Если просто переставлять ноги, все будет хорошо. Сначала надо справиться с одной непосильной задачей, а потом, со временем, Дейв исцелится, и я снова стану беззаботной, как в объятиях Роберта. Да, я нарушила правила, правила Дейва, правила моих родителей, свои собственные правила... но правила для того и существуют, чтобы их нарушать.

Это была любимая фраза моей сестры... пока она не решила, что никаких правил не существует вовсе.

На окраине сознания замаячили мысли о сестре, но я не уделяю им должного внимания.

Я смотрю искоса на Дейва. Он выглядит хорошо. Мне кажется, он даже побрызгался одеколоном, что для него несвойственно. Он за пять лет так и не использовал один флакон Polo Blue.

На нем спортивный пиджак, который я купила ему в Brooks Brothers, итальянская рубашка цвета бронзового заката. Ему очень идет.

Впервые я замечаю, как он держит руль – будто это единственная вещь, удерживающая его на земле. Он нервничает? Чувствует происходящие во мне перемены?

Я внимательно всматриваюсь в его лицо, но оно ничего не выражает. Взгляд прикован к дороге, губы поджаты – то ли решительно, то ли в ожидании чего-то.

Я сдаюсь и пытаюсь расслабиться, откинувшись на мягкое кожаное сиденье. Телефон вибрирует в сумочке, но я не обращаю на него внимания. Боюсь выдать себя, если это он. Боюсь того, что Дейв может прочесть по моему лицу.

Шаг за шагом.

Я никогда прежде не была в Ma Poulette, но название мне не нравится. Это глупый каламбур, обыгрывающий французские слова «курица» и одно из определений нежности. Но англоговорящим посетителям этого не понять, а французы вряд ли сочтут подобную игру слов забавной.

Но интерьер там милый. Приглушенный свет подчеркивает пасторальное очарование. Кирпичная стена там, деревянные детали тут. Дейв называет имя, и администратор смотрит в список. Ее палец на мгновение замирает на строчке, означающей, видимо, наш заказ, она поднимает глаза и задерживается на мне взглядом чуть дольше положенного, на

губах застывает задумчивая улыбка.

Что-то происходит. Это не просто ужин.

Неожиданно меня обуревают желание выбежать из ресторана. Но я не могу заставить себя сделать это. Забавная это штука – трусость. Люди считают, что она заставляет человека убежать и спрятаться, но зачастую она – проводник чего-то более мрачного. Это чувство, из-за которого ты пассивно бредешь в направлении мест и событий, которые в ином случае непременно бы отверг.

И вот меня ведут – впереди администратор, за ней мы с Дейвом. Дейв держит меня под руку. Окружающие лица сливаются в одно, когда мы подходим к закрытой двери... Другой зал, сообщают мне. Приватный.

Шаг, еще шаг, думаю я, слушая, как стучат каблучки по полу.

Администратор открывает дверь. Мы заходим, и я вижу их всех: мои родители, его родители, несколько друзей по работе, один из партнеров из фирмы Дейва, его крестный, Дилан Фриланд... также являющийся совладельцем фирмы, в которой работаю я. И конечно же у него за спиной Аша. И Симона; в ее широко распахнутых глазах плещется ужас, бурлящий и у меня в груди. Она качает головой, и я понимаю, что она хочет сказать: *Я звонила. Хотела предупредить тебя. Но в то время ты решила не брать трубку.*

– Я хотел, чтобы сегодня здесь собрались все те, кого мы любим, – говорит Дейв, а они сидят, сложив руки, и улыба-

ются нам в ожидании волшебного момента.

Дейв опускается передо мной на колени. Я не могу пошевелиться, не могу даже взглянуть на него. Взгляд будто прилип к туфлям. Шаг за шагом.

Он лезет во внутренний карман своего пиджака, пиджака, который я сама купила ему и который теперь будет иметь гораздо большее значение, чем я ему придавала. Я не буду смотреть. Я крепко зажмуриваюсь. Я не хочу этот бриллиант. Не хочу быть белой розой Дейва.

– Кейси, – говорит он; голос уверенный, настойчивый.

Я неохотно открываю глаза.

Это мой рубин. Тот самый, на который мы с Дейвом смотрели, со всеми своими недостатками, ниточками шелка и ярким кровавым блеском.

– Кейси, – вновь произносит он.

Он купил мне рубин. Внутри появляется островок тепла.

– Ты слышишь меня? – спрашивает он уже с тревогой.

Я поднимаю глаза, вижу одобрительные улыбки своих родителей, вижу поддержку во взглядах друзей.

– Я спросил, выйдешь ли ты за меня замуж, – говорит он. Думаю, он уже несколько раз произнес это. Я потерялась в рубине, в своей трусости. В своем сердце я уже отвергла эту судьбу, но меня, словно безвольную жертву, вновь привели к ней.

– Ты купил рубин, – отстраненно произношу я. – Ты просишь выйти за тебя замуж.

Я смотрю Дейву в глаза и широко улыбаюсь, ему, гостям.

– Ты просишь меня выйти за тебя замуж, – повторяю я вновь, – и мой ответ – да.

Глава 14

Хаос.

Я не знаю, как еще описать это. Гости взрываются овациями, эмоции плещут через край. Каждое рукопожатие и поздравление со слезами на глазах пугает меня. Это должен быть интимный момент, только для двух человек: для меня и Дейва. Даже в лучшие времена я предпочла бы обойтись без свидетелей.

Но времена сейчас не самые лучшие.

Я вижу, что Симона тихо стоит у стены. Куда только подевалась ее вечно бурлящая энергия? У нас с ней есть общая тайна, моя тайна, и она причиняет ей боль, а меня разрушает.

Руки матери обвивают мне шею, ее слезы увлажнили мне щеку.

– Мы так гордимся тобой!

– Я ничего не сделала, мам, – возражаю я. – Этот ужин, предложение, это все Дейв.

– А кто его выбрал? Ты! – Она смеется. – Честно говоря, я смотрю на тебя, на твой выбор и понимаю, что мы поступили правильно. – Она отстраняется и заглядывает мне в глаза. – Это хорошо, – говорит она. – *Мы все*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.